

РИЕР АМОРИЕТ

Автор: Смолка (Сентябряна)

Бета: Iра66, ReNne

Рейтинг: NC-17

Предупреждение: сайд-стори к ориджиналу «Искры в пустоте». Содержит упоминание насилия. Есть небольшой спойлер по отношению к «Искрам в пустоте».

Примечания: рассказ написан в подарок Эрликону – одному из моих замечательных тестеров и лучших друзей.

Перуния, вилла Ольвия

Аврелий Парка Мартиас, приемный сын императора Кладия, был великолепным соседом – лучшего и пожелать невозможно. Двадцатилетний юноша, плод связи самой развратной женщины этого столетия и какого-то раба, твердо усвоил: нужно сидеть тихо, если не хочешь разделить судьбу сводного брата. Семь лет прошло с тех пор, как родной сын Кладия – по крайней мере, Луциан Мартиас считался родным сыном, попробовал бы кто считать иначе! – окончил свои дни в собственной спальне, и тридцать ножевых ранений на теле мальчика следствие Сената посчитало самоубийством... Аврелию в тот год было тринадцать. Очевидно, способ, с помощью коего брат свел счеты с жизнью, убедил императорского пасынка: даже в двух тысячах риеров от отчима стоит вести себя так, будто он живет под боком у любящей родни. Сегодня Аврелий и его воспитатель должны были прийти проводить Квинта в дальний путь, как это водится между добрыми соседями. Воспитатель юноши, философ Биний Одноглазый, долго и образно сравнивал обычаи обитателей Перунии, куда более радушных и сердечных, с порядками Отца городов. Квинт с удовольствием слушал, а в заключение речи пригласил соседей отметить его отъезд. Бывший вояка Биний, человек умный и – крайняя редкость! – отменно честный, нравился ему. Воспитанник Биния ему тоже нравился бы... не будь Аврелий императорским пасынком. Мартиасы, Касты, Лория-Диноры, Вестарианы... Основатель династии Мартиасов оставил многочисленное потомство, наделенное разнообразными талантами. Квинт Легий, плебей из Иварии, пожелал бы всем им провалиться под землю, не будь в жилах Илларию Каста той же бешеной и жадной крови удачливого претора Лонги.

Пока за белой мраморной колоннадой виллы соседей было тихо, и Квинт с усмешкой придвинул к себе пергамент. Иллариус говорил, что человек, который живет между пасынком императора и престарелой матушкой принцепса Сената, должен быть готов к любым неожиданностям. «Если твоих соседей однажды ночью придут резать, постарайся задернуть занавеси поплотнее, – смеялся Лар, советуя насадить побольше высоких цветущих кустарников, – чтобы уж точно не разглядеть, чем заняты Аврелий и Биний, а также матушка Гнея Лория-Динора». – «Как бы не так, – возражал Квинт. – Где еще мне суждено видеть столь веские доказательства прочности правления носящего венец Всеобщей Меры, дабы отразить их в своем жалком искусстве?» Впрочем, на бывшей вилле Кастов цветы росли в изобилии, и сейчас нахальные гладиолусы совали нежно-розовые лепестки прямо в кубок с вином, а тщеславный рододендрон при малейшем движении норовил ткнуть веткой в глаз. Смирно вели себя лишь розы и лилии, зато пахли они одуряюще. Квинт намеренно не велел садовникам трогать эту беседку – в зарослях цветов ему думалось лучше. Опять же, если в усадьбе Аврелия произойдет нечто удивительное, под прикрытием разноцветного «занавеса» многое можно успеть заметить. Сыну императрицы Мелины на роду было написано умереть от рук убийц, но Биний страдать безвинно не обязан. К тому же, Квинт полагал себя вправе оказать помощь

собрать по ремеслу, ибо философские размышления Одноглазого приводили поэта в восторг. Илларию тезисы философа казались немного примитивными, о чем он и заявил Бинию в свой прошлый приезд, указав, что думать так пристало ему, воину и стратегу, но уж никак не просвещенному гуманисту. «В наш смутный век стратеги и философы меняются местами», – отшутился Биний, коего нимало не покорило и не испугало настроением протектора Лонги. После философа, поэт и племянник императора провели в занятых спорах несколько дней, а Аврелий и матушка принцепса, пришедшая со своим любовником, внимательно слушали.

«Государство стоит на трех основах, – горячился Биний, колотя сильной густо поросшей волосом рукой по подлокотнику кресла, с такой страстью рубя фразы, что утонченный Аврелий слегка морщился. – Вера в закономерность Матери-Природы, здоровую и простую в сути своей, признание могущества власти и общее сознание народа, объединенного великими задачами, – только так строятся прочные конструкции». Иллариус – холодная синева, жесткий взгляд и совершенное отсутствие волнения – возражал: «Ты разменял шестой десяток, философ, а мне идет лишь третий, но подобные суждения я высказывал, будучи квестором, и позже убедился в их полной несостоятельности. Вера в религию, торжество единовластия и свободную волю народа хороши там, где установки заложены изначально, но при малейшем гниении твоя конструкция отправится к праотцам – я проверил это в действии». Все гости Квинта знали, как именно Иллариус Каст проверял идеи государственного устройства, и, сгорая от любопытства, наострили уши – неужели они из первых рук узнают о том, что творится в союзе Лонги? И тут императорский пасынок вставил грудным мягким голосом: «Правда ли, что Инсаар считают порядок устройства Риер-Де и само существование империи Всеобщей Меры ненужным, и не знание ли мыслей Быстроразящих вывело протектора Лонги на новый путь?» Новый путь! Изящное обозначение измены присяге и прочих штучек, коими Иллариус и его союзник потрясли обитаемый мир. Квинт мысленно поздравил Аврелия с умением лавировать в том змеином клубке, что звался династией Мартиасов. Глядишь, мальчишка проживет чуть подольше. «Нет, – с коротким смешком ответил протектор Лонги, – мысли Быстроразящих для меня ничто. Есть непреложные законы мира, но человек волен сам строить свою судьбу. Однако знай, Биний, именно нерассуждающие любители отчизны и не разбирающиеся в том, что они проповедают, жрецы, ставшие орудием в гнусных руках, и привели Риер-Де к тому...» Лар осекся, попросил вина и сменил тему. Он не доверял соседям Квинта. Правду говоря, поэт всякий раз задавал себе вопрос: а доверяет ли Иллариус ему самому?

Квинт вновь оглянулся на белую колоннаду соседей. Пока Аврелий уложит свои кудри, а Биний подстрижет бороду, пройдет часа два. Потом рабы подадут вино, закуски и розовое варенье, что поэт велел приготовить для императорского пасынка, так что времени полно. Стилос свободно скользил по пергаменту. Квинт часто спрашивал себя, какая сила направляет его руку. Теплая стремительная волна внутри тела будто вела за собой, и это было сродни чувственной любви – той остроты и яркости, что дарил ему лишь один Ли. Чем больше времени проходило со дня, разделившего жизнь Квинта Легия на две половины, тем сильнее поэт сомневался, что хотя бы раз еще ему доведется познать такое чувство на ложе. Но Мать-Природа Величайшая наградила за неведомые заслуги великим даром, от рождения дав возможность вызывать всевластные волны вне ложа... и каждый раз ему казалось, будто Ли – такой, каким Квинт видел его последний раз, – стоит за его плечом и ласковые пальцы касаются руки, направляя и подталкивая.

Вот стилос вывел четкий профиль, высокую переносицу истинного сына народа ривов – чистота крови по обеим линиям, отмеренная в родовых таблицах и подтвержденная воочию: большие глаза под тяжелыми веками, полные твердые губы...

Что думал Север Астигат, целуя того, в чьих жилах течет кровь Счастливой Куницы? Хотелось ли варвару-лонгу выпить ее всю до доньшка, чтобы ни капли ярости и вражды не осталось меж ним и его любовником? Или варвару наплевать на тонкости? Квинту было трудно вообразить подобную любовь, но в такие минуты это не представляло для него сложности. Просто он был собой и одновременно кем-то еще – кем угодно! А теплые волны несли и несли все дальше, в далекий уже день в Отце городов Риер-Де, на шумную площадь, где судьба выкинула очередную шутку – взмахнула крылом, села на плечо и сделала возможным и встречу с Ли, и их любовь, и эту виллу, и Биния с Аврелием, и вызов ко двору... и тысячи часов рядом с человеком, что сам стал своей судьбой и судьбой многих других. Тем, кого Квинт Легий знал от коротких русых волос на макушке до обутых в дорожную кожу ног – и не знал совершенно.

...В давней своей речи Квинт намеренно избрал мишенью квестуру армии Лонги. Он часто думал после, отчего привязался именно к этой провинции, можно подумать, в Кадмии дела обстояли лучше! Хорошо и спокойно не было нигде, даже в сонной Перунии, завоеванной так прочно, что местные жители позабыли свой язык, зато претор провинции никогда не забывал набивать свои сундуки. Но поэт нарочно составил свою речь, основываясь на вопиющих примерах беззакония – Лонга всегда у всех на устах и на слуху, варвары не дадут забыть о себе даже на год. Форум принял первые пассажи мертвым молчанием. Потом тут и там посыпались смешки, люди задвигались возбужденно, по толпе пробежала искра – он увлек их, зацепил внимание. Теперь аристократы, философы, поэты и плебеи слушали его внимательней, чем императорского ликтора. Форум, сосредоточие пустых, но пылких страстей, горнило интриг и распрей – будто слепок Всеобщей Меры, где точно в зеркале видны мелочность и нелепость, величие и высочайшая мудрость. Двойственность, сделавшая империю тем, во что она превратилась сейчас – в страну гордых ривов, не покорившихся никому, но губящих самих себя.

– Сыны ривов! – он поднял руку и, зная, что неведомая волна подхватит его и понесет, как в омут с головой кинулся в хитросплетения и мерзости политики Лонги. Ему не было страшно – сейчас не было. Квинт загодя все рассчитал и не позволил бы страху управлять собой, но усилия не потребовались – волна все делала за него.

– Ведомо ли вам, кто получил должности в квестуре сей богатейшей и влиятельнейшей провинции? – Форум молчал. Некоторым из глядящих на оратора было ведомо гораздо больше, чем ему самому. Что ж, пусть придворные интриганы знают: плебс не станет закрывать глаза на их подлости! – Консул Гней Максим напрасно старается замолчать происхождение своих любимцев, есть вещи, что не скроешь от опытного взора.

– Максим и не скрывает! – злой смешок из толпы, и волна внутри тела точно спряталась куда-то. Вот этого Квинт не любил, от чужой ярости ему делалось плохо, но тем почетнее преодолеть скованность и страх. – Таскает своего любовника напоказ императору – жаждет, видно, чтоб Илларию намозолил дядюшке глаза...

– Неважно, делит ли консул Максим ложе со своим старшим квестором, – громко перебил Квинт, силясь удержать в себе стремление отдавать, отдавать свои мысли этой толпе – ей нужно прозрение! – Важно то, что консул пригнул возле себя девять отпрысков влиятельных семейств, и все квесторы получают жалованье из наших с вами денег! А что мы получаем взамен? Спесь и дурные выходки молодых высокородных развратников?! Ведомы ли вам, сыны ривов, имена двух квесторов армии Лонги? Сейчас я назову их вам, и все станет понятно! Илларию Каст и Гай Арминий! Вы слышите? – тридцатилетний поэт, живущий продажей своих мечтаний и идей, потрянул кудрями и оглядел толпу. Он знал,

что играет на руку партии плебеев и партии военных, а сенатская клика аристократов в этот миг затаила на него лютую злобу, но куда они денутся, если его слова завтра будут повторяться во всех концах Отца городов?

– Иллариий Каст и Гай Арминий, – медленно повторил Квинт, задержав дыхание. – Оба принадлежат к самым высоким нашим родам, оба носят больше двадцати завитков на запястье. Скажите мне, о уважаемые мной за мудрость и честность, нуждается ли Лонга в таких квесторах? Сто семьдесят лет императорская власть не может привести лонгов к покорности, в варварских лесах гибнет цвет нашей молодежи – и все потому лишь, что консулы и преторы берут на службу тех, кто не блещет ничем, кроме происхождения!

Он оглядел море лиц – они слушают, слушают! – и завтра его слова станут известны всем. И, может быть, Сенат прислушается к требованиям партии плебеев и партии военных и урежет, наконец, неумеренные аппетиты аристократов.

– Иллариий Каст, сын Марка, куда как не беден, – толпа дружно расхохоталась, – а мы с вами платим ему жалованье. Старший квестор имеет право на двадцатую долю в добыче и двести риров в месяц на полном содержании! Немыслимо. Безграмотные аристократы якобы помогают консулу в его трудах, но знаем мы, какова их помощь. Праздность, лень и разврат царят в квестуре армии Лонги! Квестор Гай Арминий – племянник претора провинции, и подвиги его известны всей Риер-Де с тех пор, как он вышел из младенческого возраста. Иллариий Каст недалеко ушел от соратника.

Сейчас он их добьет! Если кто-то еще сомневался в никчемности юнцов, взятых на службу консулом, то отныне перестанет.

– Только третьего дня аристократ Каст заказал у ювелира Муция серебряную диадему для своей любовницы, куртизанки Серхии Паулины. Сказать вам, гордые ривы, во сколько обошлась нам с вами и казне империи эта покупка? Восемь тысяч риров! Только послушайте! Восемь тысяч! И диадема, и особняк, в котором живет куртизанка, куплены, якобы, на деньги Иллариия, но кто поручится, что нахальный, развратный юнец не содержит любовницу из средств провинции? Мы оплачиваем не войну с варварами, отнюдь нет! Мы оплачиваем развлечения трусливых бездельников, прикрывшихся тогами своих родичей! И вот я спрашиваю вас, уважаемые: когда при таких условиях кончится война? Мы будем посылать в Лонгу войска еще сто семьдесят лет? А квинтэссенция вражды всему дорогому нам, подлый изменник Брендон Астигат все так же станет делать вид, что поддерживает империю, самолично грабя наши поселения?

Это тоже было новостью для многих. Недавно сенатор Кассий, глава партии военных, под большим секретом сообщил в узком кругу, что вождя лонгов заметили во время одного из грабежей, к которым варвар, по его настойчивым уверениям, никакого отношения не имел. Хорошо несет службу квестура и разведка Лонги, ничего не скажешь! Кто-то крикнул в толпе:

– Говори, Квинт, говори! Гений не может лгать!

Теплая волна стала неодолимой, для нее больше не было преград, и он говорил. А они слушали и запомнили «подвиги» квесторов надолго, уж поэт постарался. Он никогда не видел Иллариия Каста своими глазами, зато видел Гая Арминия. Едва ли племянник императора может быть лучше племянника претора – скорее уж хуже!

Квинта долго не отпускали с трибуны под одобрительные крики одних и молчание других. Горячие головы требовали составить обращение к Сенату, а вездесущим представителям партии военных только этого и было нужно. Сенаторы пользовались усилиями Квинта в своих играх... что ж, здесь их цели совпадали. Наконец он спрыгнул с трибуны, смог отделаться от навязчивых приглашений поговорить еще – не на Форуме, а в более подходящих местах, поправил ораторский венок на голове и поспешил прочь. Он чувствовал себя усталым, опустошенным, как всегда после речей... И тут его окликнули:

– Квинт Легий?

Высокий человек с закрытым капюшоном лицом отделился от толпы и шагнул к нему. Навязчивый незнакомец был молод и, вероятно, богат, хотя и нарочито скромнен. Но фибула на неброской ткани плаща стоила целое состояние.

– Он самый, – нелюбезно буркнул Квинт, прикидывая, что может быть нужно позвавшему. Подписать какой-нибудь свиток со стихами, наверное. Богатые бездельники, днями и ночами околачивающиеся на Форуме, бесконечно липли к нему, желая покрасоваться перед приятелями знакомством. – Кто ты и чего хочешь?

Незнакомец откинул капюшон, открывая плотно сжатые губы, темные глаза и твердый, властный подбородок:

– Я Иллариус Каст, – негромко сказал он, и Квинт Легий вдруг понял, что на волосок от смерти: в голосе аристократа была жгучая обида. О нет, говорил племянник императора холодно и четко, но чуткая волна рассказала о нем много больше, чем поэту хотелось бы знать.

– Весьма рад, – сухо отозвался Квинт, оглядывая колонны и портики Форума – в любой нише могли сейчас дожидаться сигнала к расправе друзья, клиенты или рабы аристократа. Поэт мог рассчитывать на поддержку собственных друзей и сторонников, ему уже приходилось защищаться от рассерженных его речами влиятельных горожан, но птицу такого высокого полета, как Иллариус Каст, он еще не задевал. То есть, лично не задевал. Можно позволить себе разобрать по косточкам военные поражения или те милые приемы, кои использовались для дележки казенных денег, но в своей речи оратор, будто плугом, прошелся по чести представителя рода Кастов. Глупые и тщеславные таких обид не прощают. Квинт сжал рукоять кинжала под плащом и посмотрел аристократу в лицо. – Желаешь, чтобы я повторил свои речи еще раз? Я сказал то, что сказал, и ни слова не возьму назад.

Вот так. Не с наигранной гордостью или подлинным испугом, но с ранящей насмешкой. Иллариус – просто самонадеянный щенок, раз позволяет консулу Максиму вертеть им как угодно в борьбе за власть и средства на армию. Не посоветовавшись с любовником, квестор не причинит вреда оратору, признав тем самым, как его задела правда. Не могут же все родовитые помощники правителя Лонги быть бешеными зверями вроде Гая Арминия...

– Даже если ювелир Муций подтвердит, что за диадему я заплатил всего лишь четыре тысячи риров, а не восемь, как ты утверждал, любезный Квинт? – старший квестор улыбался с той же холодной издевкой, какой поэт думал его уязвить, но между бровей залегла крошечная складка. Обижен и хорохорится.

– Если ты, благородный Иллариус, готов подтвердить слова ювелира в Сенате...

– Довольно, – аристократ коротко махнул рукой и шагнул ближе. Теперь Квинт мог рассмотреть его получше. Квестор Лонги был очень молод, едва ль больше девятнадцати, и даже военная выучка не могла скрыть юность под маской взрослого мужчины. Мальчишка, мальчишка, которого только что публично выпороли.

– Мне никому ничего не нужно доказывать, – надменность – не лучшая защита, но и не худшая. – Я пришел послушать прославленного поэта, столь любимого мной, а вместо стихов услышал ворох глупостей и обобщений. Ты во многом прав, Квинт Иварийский, но разве можешь ты замолчать победы консула Максима в Кадмии, Лонге и других провинциях? Если да, то ты бесчестен, великий поэт.

– Не мне отрицать побед знаменитого стратега! – Квинт вдруг понял, что начал оправдываться. А мальчик-то не так прост, пусть и обижен совсем по-юношески. – Я говорил о том, что консул Максим вместо талантливой молодежи приближает к себе отпрысков знатных семей, а от них нет пользы на войне.

– Да, ты всего лишь решил вместе с развратными юнцами втоптать в грязь и моего командира, – улыбка аристократа была какой-то странной, точно неживой. В этот миг Квинт понял, что ошибся, сравнив Илларию Каста с Гаем Арминием. Племянник претора уже десять минут назад свернул бы оратору шею. – Мне не привыкать к тому, что лживые языки треплют мое имя, но позорить консула Лонги я не позволю даже тебе. Прощай, Квинт из Иварии, твои стихи я не стану любить меньше.

Квестор повернулся по-военному четко и быстро, но не заметить хромоту было невозможно. Не успел Илларий сделать нескольких неловких шагов по плитам площади, как поэт подскочил к нему и, не задумываясь – о, как часто он поступал не по воле разума, а по приказу чутких волн в себе! – выпалил:

– Я хотел бы побольше узнать о делах Лонги! Ты разрешишь проводить тебя до носилок?

Раненый – а аристократ наверняка был ранен, скорее всего, в бедро, и повреждения еще не зажили – удивленно усмехнулся:

– Я приехал сюда верхом, ведь есть же предел развращенности и изнеженности аристократов... И что ты хочешь узнать о Лонге? Уверяю тебя, что не присваиваю жалованье легионеров, и консул тоже не присваивает. Жалованье солдатам просто не платят – как и мне, впрочем. Задолжали за три месяца.

Он издевался уже совсем откровенно, но отчего-то Квинту казалось: он задел квестора настолько сильно, что тот даже не может высказать свою обиду.

– Но не станешь же ты отрицать, что претор Арминий крадет казенное добро быстрее, чем сотня уличных воров? – Квинт тоже улыбнулся и хотел было поддержать аристократа под локоть, но тот холодно отстранился.

– Не стану. Арминий не один такой. Я уже сказал и повторю: будь ты не прав в своей речи совершенно, я убил бы тебя прямо здесь – за одно лишь сравнение моего командира с претором. И в Кадмии, и в Лонге Максим тратит на войну с варварами свои средства, а ты, вместо того чтобы громить сенаторов, не дающих деньги, ополчился чуть

не на единственного честного человека... Впрочем, плебеи никогда не разбирались в войне, да и в политике, но ты казался мне иным. Не таким, как остальные.

– Понятно, – протянул Квинт. – Ты, начитавшись моих поэм, считал, будто ничто земное меня не интересует? Что путь мой устлан розами и ими же благоухают мои уста? Мы, плебеи, имеем право судить о государстве, в коем живем, разве ты не согласен со мной, благородный Иллариус? В юности я воевал добровольцем с иврийскими разбойниками и знаю о войне не понаслышке...

– Сравнить разбойничьи орды с трезенами и келлитами – глупость, достойная плебея, – отрубил Иллариус. Тон аристократа был резок, но он не пытался уйти. – Лонги же притихли лишь последние несколько лет. Брендон Астигат водил своих воинов против нас еще при прежнем консуле, и это серьезная угроза, ибо лонги – народ многочисленный и умеют сражаться.

Квинт задавал вопросы, о, много вопросов! А квестор отвечал, не чинясь и не стараясь нарочно задеть, всего лишь говорил то, что думал. За беседой, больше похожей на перепалку, они дошли до застоявшегося вороного гестийца, что держал за повод мальчик-раб. Шли медленно, Иллариус мешала рана, но в седло он вскочил так, будто не испытывал боли, и не терпящим возражений тоном пригласил Квинта в знаменитую таверну «Язык болтуна», где угощались форумные завсегдатаи. Одна Мать-Природа знает, почему поэт согласился... Еще до рассвета – низкого и хмурого, как все рассветы Отца городов, – он понял суть мальчишки-аристократа. Иллариус Каст был умен, смел, циничен. И невероятно одинок. Они говорили и не могли наговориться: о Лонге, Кадмии, варварах, войне, деньгах, сенаторах, о том мерзком, что тянуло их родину на дно, беспросветное дно развала. «Ты получаешь содержание от партии военных и партии плебеев за свои обличительные речи, – смеялся Иллариус. – Из-под колпака твоего праведного гнева всю торчат уши подкупа, но я не виню тебя, ибо ты говорил искренне. Пойми, консул Гней Максим вынужден идти на сделки. Ему не больше твоего нравится претор Арминий под боком, да и поведение дражайшего дядюшки в венце и жадных вольноотпущенников не приводит его в верноподданнический восторг. Но не соблюдай Максим правила игры – так война вовсе замрет, а дикари сжигают поселения и убивают имперцев, Риер-Де теряет земли и доходы. Что же делать?» – «Сбросить бездельников со своей шеи», – рубанул Квинт. Иллариус лишь качнул головой: «Безумец, но мне нравится! Еще вина!»

Утром изрядно захмелевший Квинт спросил аристократа, не задалась ли его Серхия Паулина. Тот ответил, что платит куртизанке достаточно, для того чтобы она ждала. Впрочем, он предупредил красавицу, что сегодня не придет, наверняка Серхия привела в свой особняк на площади императора Аврелия другого поклонника. «Ты равнодушен к красивейшей женщине Риер-Де!» – возмущенно вскричал Квинт. Иллариус в ответ лишь плечами пожал: «Немного радости в купленных ласках, покупающему их воздается равнодушием покупки...» – «Ты не веришь в могущество Любви?» Отчего ответ так волновал Квинта? Может оттого, что он впервые видел человека с такой неутолимой жаждой познания – несознаваемой, прекрасной и так глубоко запрятанной под каменной плитой неверия.

«Верю, – медленно проговорил Иллариус Каст. – Я верю в Любовь, просто... не всем дано любить и быть любимыми. Мне, видимо, не повезло, но это не повод рыдать и жаловаться». Квинт даже вскричал возмущенно в ответ: «Тебе девятнадцать лет, как ты можешь знать свою судьбу?!» Удивлению его не было предела, ведь в годы Иллариуса люди живут любовью, и аристократ был создан для нее – красивый, сильный, чувственный настолько, что у поэта пальцы покалывало. В его новом знакомом была огромная, хоть и

скрытая мощь, должно быть, во время Ка-Инсаар он превращается в Лейри, бога наслаждений из кадмийских сказок. Поэту хотелось это увидеть, а Иллариий говорил, что своих знаменитых «Любовников» Квинт Иварийский написал с себя, – значит, они чувствовали жизнь одинаково. Потом Иллариий перебил собственный монолог и попросил собеседника прочесть стихи. Квестор вновь превратился в мальчишку, он просил так открыто и в то же время ненавязчиво, что поэт согласился с удовольствием. И читал все подряд – старое и совсем новое. А Иллариий слушал с горящими глазами, и Квинт наконец разглядел, какого они цвета – ярко-синие.

Квестор возвращался в армию через несколько дней. Несмотря на незажившую рану, полученную в боях с трезенами, он был полон желания поскорее оказаться на своей любимой войне. Квинт, посмеиваясь, утверждал: «Ты подлинный потомок Диокта Счастливой Куницы, император-завоеватель, должно быть, счастлив глядеть на тебя из Дома теней». В день отъезда Иллариий взял приятеля с собой в императорский дворец и там представил консулу Максиму. Перед этим он долго и образно уверял поэта: несмотря на убеждение всей империи, он не спит со своим командиром. И консулу понравится человек, коего вольноотпущенник Юний Дометиан прозвал «занозой в заднице». «Сиди-сиди в их задницах, коли почаше», – смеялся Иллариий, поднимаясь вместе с Квинтом по широкой устланной алым лестнице, где на мраморе застыли преторианцы. Император соизволил несколько минут провести в обществе племянника, полководца и поэта, а потом ушел, опираясь на руку нового «мальчика» – Данета Ристана, остера из Архии... Большинство столичных знакомых Квинта не преминули бы обсудить возможности юного раба остаться в опочивальне носящего венец дольше нескольких ночей, но Максима и Иллариия такие мерзости не интересовали. Консул поздравил поэта с успехами на политическом поприще, посоветовав не заигрывать, и пригласил в Гестию – будущей зимой, когда нынешняя кампания немного войдет в колею. «Разве в Гестии сейчас опасно?» – спросил Квинт, на что получил быстрое двойное уверение: в Предречной Лонге нигде не может быть опасно, но лучше все же приезжать зимой. После у поэта хватило ума свериться с военными сводками, коими с ним делился сенатор Кассий – весной этого года дружины трезенов подошли к Гестии почти вплотную, а летом Максим заключил с вождем лонгов договор о помощи против полчищ людоедов, только так их и удалось остановить...

Квинт проводил Иллариия до купален Санции и, глядя на дорожную пыль, летящую из-под копыт, от всей души пожелал новому другу удачи. «Будь силен!» – крикнул он в спину квестору Лонги. Тот обернулся, просиял глазами и обещал писать. Это была странная дружба, но именно дружба, и уже через три-четыре месяца Квинт начинал волноваться и тосковать, если от Иллариия долго не было писем. Они слали друг другу короткие веселые записки с первыми же пришедшими в голову парадоксами, исписывали свитки длинными откровениями, поэт с удовольствием показывал преданному почитателю новые стихи. Иллариий читал и умом, и сердцем, часто понимая куда больше, чем Квинт вкладывал в свои штудии, и превозносил гений друга до небес, с чем поэт не уставал спорить. В конце концов Иллариий заставил Квинта пользоваться его личными гонцами, не полагаясь на императорскую почту, и тот, поколебавшись, согласился. Он собирался приехать в столицу Предречной зимой, как и было сговорено, но война с трезенами кончилась раньше, и консул послал двух квесторов в Риер-Де с кучей поручений. Иллариий Каст и Сильвий Аэций пожаловали в столицу империи на рассвете дождливого осеннего дня. А вместе с ними приехал Ли.

Именно Иллариий – кто ж еще! – понял все первым, пока сам Квинт был уверен, что вовсе не пялится на командира шестой когорты Первого легиона днями и ночами

напролет. Эмилий Реи прибыл повидать больную мать, и поэт был готов благословить за эту встречу все хвори, посланные людям. Сколько лет ему было больно, мучительно больно вспоминать эти моменты... Через три года от той встречи, столь же дождливым днем, он ехал к новому консулу Лонги и был уверен, что стоит ему увидеть Илларию – и он умрет тут же, на месте. Это Лар свел их с Ли, без него ничего не вышло бы! Это Лар вправил мозги тридцатилетнему болвану, боявшемуся поверить, что его любят, любят беззаветно, просто так. Любят не за стихи, и не за влияние, и не за страх вельмож попасть под удар колючих реплик оратора и поэта. Эмилию, аристократу Эмилию Реи, плевать на то, что Квинт Легий – всего лишь плебей из Иварии. Но когда он увидел консула Лонги – в доспехе, надетом на тунику, замкнутого, как всегда высокомерного, – то понял вдруг: он приехал со своей бедой в самое подходящее место. Гестия оплакивала тридцать тысяч человек, и что в этом океане горя значила малая капля Квинта Иварийского? Погибли претор и консул Максим... Эмилия вовсе не нашли, но несколько уцелевших в боине под Трефолой рассказали, что из Первого легиона не спасся никто. Командир легиона повел людей на прорыв, стараясь вклиниться между частями Брендона Астигата и его безумного старшего сына Севера, и молодой варвар приказал своим воинам перегруппироваться и начать лобовую атаку. Из совершенно невыгодной позиции проклятый дикарь сумел смять первые ряды, шестая когорта полегла вся разом под ударами мечей... Квинт не слушал, не вдавался в тонкости боев. Он не был воином, так какая ему разница?! Но Ли убили не варвары, о нет! Как мог победить Максим, если на каждого имперца приходилось по двое врагов? Если вождь по крайности кормил своих людей досыта? Если в родном городе варваров ждали поддержка и помощь, а не равнодушная сытость императорского двора?

Он с болью выкрикнул все это в лицо Илларию, сказал откровенно, как привык говорить очень многое. Но консул Лонги перебил его, ледяным тоном отрубив: «За подобные речи я велел казнить двадцать человек, не заставляй меня повторять... Воины нашей армии погибли за Риер-Де. Не смей порочить их память, Квинт Легий, утверждая, что они погибли напрасно». – «Мальчишка! Самонадеянный юнец в консульской бляхе! Твои товарищи – и мой любимый тоже! – погибли за лживых сенаторов, наплевавших на легионеров с высоты своих лож, за дряхлеющего придурка на троне!..» – «Замолчи», – бросил Иллариус, поднимаясь на ноги. И, глядя в прямую спину нового правителя Лонги, Квинт подумал: каждый дерется, как может. Стержнем воли Иллариуса Каста стала гордость, у плебея Легия свои стержни... Потом Лар обернулся и попросил: «Почитай, Квинт, пожалуйста». И Квинт читал – как прежде, всю ночь. Это была дань памяти тем, кто никогда больше не услышит стихов.

Точно так же он читал в первую ночь с Ли. Они засели в таверне «Язык болтуна», квестор Сильвий отправился покупать лошадей и драгоценности, Иллариус же жаждал новых стихов. И командир когорты присоединился к просьбам. Рыжевато-русые волосы, неправильные черты лица, чуть пухлые губы, вздернутый нос... разительный контраст с красавцем Ларом, но, Мать-Природа Величайшая, сколько же в Эмилии Реи было неброской прелести. Квинт не мог отвести от него взгляда, а Иллариус лишь улыбался краем губ и приказывал рабу подливать в кубки. Светло-серые глаза в черной обводке ресниц, живая мимика, ни следа высокомерия и пошлости... Квинт изучал нового знакомого, точно неизведанную землю, по своей всегдашней привычке забывая о скромности. Стоит ли тратить на скромность время, редчайший дар, что так быстро проходит! Смотри, выпитывай краски мира, наслаждайся! Эмилий краснел и смеялся: «Почему ты так меня разглядываешь, Квинт Легий?» Что было ответить? Они вышли с Ларом во двор, и поэт заявил квестору: «Такие, как Эмилий, стоят сотни таких, как ты! Ты – статуя героя древности, прекрасная и чужая, а он будто лучик солнца безнадежной осенью». Квинт имел в виду, что лицо командира когорты было куда более живым,

несмотря на явную неправильность черт – а может, и благодаря ей. Но Иллариий понял друга по-своему. «Ты прав, – ответил он, – Эмилий просто создан для того, чтобы его любили, а я – отнюдь нет». Раньше Каст говорил об этом спокойно, но теперь в его словах была жгучая горечь. Квинт, пытаясь отвлечь приятеля, спросил, есть ли у Эмилия Реи кто-нибудь – мужчина, женщина... «Насколько мне известно, он пока не занят, так что действуй», – засмеялся Иллариий. «Я его обижу», – засомневался Квинт. «Ну что ты! Разве ты не знаешь, для чего воины приезжают в столицу? Вперед, к победе, друг мой!» – Иллариий был явно пьян. Квинт доподлинно знал: подобную вольность аристократ позволяет себе лишь в том случае, когда уверен, что рядом свои, кому можно доверять – насколько старший квестор вообще умел доверять. Они вернулись к столу, но Квинт не спешил воспользоваться советом друга, хотя хотел Эмилия неимоверно – стоило лишь взглянуть на то, как командир когорты потирает пальцем переносицу и щурит немного близоручие глаза. Поэт пересел ближе и под насмешливым взглядом Иллариия взял Эмилия за руку. Тот моргнул, вздрогнул, губы чуть приоткрылись, шепча что-то – и сердце форумного оратора, продавца желаний и идей, было занято. Только он об этом еще не знал. Не знал, не думал – просто следил за каждым движением, за тем, как Эмилий краснеет от желания и смущения, как вздуваются буграми мускулы на загорелых открытых руках... Чистое наслаждение – не отрывать от него глаз, в этом воине вся красота мира, живая и теплая. Чуткие волны, никогда не засыпавшие, подсказывали: молодой человек наделен тем же даром – отдавать и принимать сокровенный трепет чувств вне ложа... так странно! Квинт намеренно взглянул на Иллариия, наткнулся на всегдашнюю стену, запертый на сотни замков сундук эмоций, вновь подумал: такое отчуждение можно взломать лишь силой, но сила плохой советчик в делах любви... Эмилия не нужно было ломать – отдаст сам, но Квинту хотелось, чтобы командир когорты первым протянул руку за плодом. Воспользовавшись тем, что поэт отпустил его ладонь, Эмилий поднялся и, сославшись на плохое самочувствие матушки, требующее его присутствия, извинился и быстро ушел. «Я ему не нравлюсь», – огорчился Квинт. Аристократ в ответ расхохотался так, что раб-виночерпий едва не выронил кувшин. «Нравишься, – пояснил Лар свой смех, – просто он не любит пустых приставаний, вот такие у нас в армии Лонги водятся скромники. Нужна шлюха – давай найдем Сильвия Аэция, тот уж точно не откажется». – «Мне не нужна шлюха, – возмутился Квинт, – их здесь полно! У меня через дом живет один вдовец, со смерти жены не опускающий подол туники, я иной раз провожу с ним ночь: все лучше процедур с завитками на запястьях». – «Просто ты показался Эмилию чрезмерно настойчивым, а в Лонге, знаешь ли, тоже полно тех, кто готов день и ночь лапать молодых парней», – возразил квестор. «Но ты же сам сказал – вперед, мол, к победе?» – «Хотел тебя проверить, и ты проверку выдержал, – с пьяной серьезностью ответил Иллариий. – Тебе можно доверить Эмилия, он у нас редкость». Аристократ вновь засмеялся, словно над собой, и стало ясно: какая-то неотвязная мысль не дает ему веселиться как следует. «Расскажи мне о войне», – попросил Квинт, вновь пересаживаясь и сиюсь отогнать видение – загорелые сильные пальцы, кончик указательного трет ямку под нижней пухлой губой... Эх, Эмилий!

«Кстати, теперь ты с полным правом можешь разгромить непотребства в квестуре армии Лонги, – с неожиданной злостью сказал Иллариий. – Одного Гая Арминия и семи его прихлебателей было более чем достаточно для любого позора, но...» Аристократ замолчал, пришлось даже пихнуть его локтем. Не о новом ли квесторе консула Максима говорит друг? В Сенате долго ворчали: нельзя, нельзя брать в квестуру варвара, даже если тому семнадцать лет! Но Гней Максим всегда поступал по-своему, и теперь Север Астигат носил квесторский символ. «Что же такого делает юный сын вождя лонгов, что сумел в развращенности и лени перещеголять даже Гая Арминия?» – засмеялся Квинт. «Что делает? – прошипел Иллариий, резко подавшись вперед, да так, что едва не опрокинул полный бокал. – Неужели ты считаешь, что я стану следить за поведением варвара?

Спроси об этом у квестора Сильвия, они мило проводят время!» – «С кем проводят время?» – не понял Квинт, на всякий случай отодвинув подальше от друга хрупкую вазочку с орехами. «С Севером, варваром же...» – Иллариий оборвал себя, он часто так делал. Помолчал минуту, потом сказал спокойней: «Ты видел ручных зверьков вроде перунийцев или домашних рабов. А не домашних – лишь в цепях и под присмотром. Ты понятия не имеешь, что такое лонги, некоторые из них... Доверять лонгу имперские карты и прочие сведения – это опасно, в конце концов... но консул не пожелал меня слушать. Впрочем, я не намерен портить такую ночь разговорами о варварах, лучше поговорим о твоём новом увлечении». – «Да о каком увлечении, Лар? Ты сегодня просто полон загадок!» – «Быстро же ты забыл Эмилия, о великий ветреник!»

Они шутили, смеялись, и Квинт соглашался с квестором – он действительно легко увлекался, каждый раз думая, будто в очередном мужчине или женщине встретил свое, настоящее, но желание было лишь повторением его искусства и никогда не бежало впереди него. Увлечение? О да! Но весьма приятное. Как же он ошибался – это пришла любовь.

Соседи до сих пор не соизволили проснуться, и Квинт был рад этому. Память, память... словно босиком ступаешь на мягкий цветочный настил, думая, что нежные стебли не причинят тебе вреда, но под безмятежностью красок таятся острые ядовитые колючки. Квинт Легий не жалел ни о чем. Ни единый прожитый день долгой жизни не вызывал в нем досады, и сама возможность вспоминать, не корчась от боли, была блаженством. Императорский пасынок Аврелий и его воспитатель Биний как-то раз вытянули из него историю создания «Риер Амориет». Он рассказал то, что говорил всем, говорил в темнице и в Сенате. А после разговора днями не мог успокоиться, бродил по округе. Ему хотелось вспоминать еще и еще – впервые за много лет. Почти десять раз время повернуло вспять с того черного дня, изменился сам лик мира, но поэт из Иварии не желал расставаться с прошлым. Теперь он знал, был уверен, что смерти нет, Эмилий до сих пор рядом – в ярких цветах, в сияющей бирюзе неба, в бегущих по небу облаках, в буквах, что ложатся на пергамент... Разве мог он представить, когда в упоении страстью писал «Меру Любви», а в помрачении горя и гнева – «Проклятье Лонги», что каждая строфа сама станет прошлым, одновременно вечным и живым?

Эмилий Реи носил на запястье всего лишь три завитка, но гордости в нем хватило б на трех Кастов и пятерых Мартиасов, просто командир когорты не выставлял сей порок напоказ. Наутро, после встречи в «Языке болтуна», Иллариий поволок похмельного Квинта в Сенат: выбивать деньги на оружие. Консул Максим приказал старшему квестору не возвращаться без казначейских билетов, но племянник императора уверял поэта, что дело кончится как всегда – консул Лонги попросту купит необходимое на собственные средства. Глядя, как неугомонный аристократ продирается сквозь дебри сенаторского равнодушия и мелочности, как раздаёт обещания и взятки направо и налево, Квинт поражался его упрямству. Насколько же плохи дела в армии Риер-Де, если даже Каст не может получить законное? В конце концов их принял глава военной партии, сенатор Кассий, и после недолгого торга согласился выплатить треть требуемой суммы. «Неплохо, совсем неплохо, я рассчитывал на меньшее, – смеялся Иллариий по дороге в свой особняк. – Сейчас высплюсь, и поедем заказывать оружие...» – «Почему б тебе не послать к оружейникам младшего квестора, этого самого Сильвия, с которым так весело проводит время варвар Астигат?» – зевая во весь рот, спросил Квинт. Иллариий нахмурился и ответил: «Сильвий разбирается в оружии, как гусак в математике!» – «Но дурь квестора – не причина все делать самому. Тебя грызет гордыня, Лар...»

Дворец аристократов на площади Диокта Великого занимал около трех риевов и поддерживался рабами в идеальном порядке, но сын Марка Каста не любил родовое гнездо. Разноцветный мрамор, великолепная роспись стен – работа самого Лукреция... Дед Иллария заказывал лишь самое лучшее и ни в чем себе не отказывал, а его внук почти не жил здесь. Квинт уже хотел было последовать примеру Иллария и завалиться спать в предоставленной ему спальне, как раб доложил о приезде Эмилия, явившегося, дабы помочь старшему квестору с покупкой оружия. Казалось, командир когорты дал зарок не говорить ни о чем, кроме мечей и дротиков, а уж как Квинт старался! Позабыв про сон, он старательно развлекал нового знакомого, но Эмилий точно застыл в странной отчужденности. Они позавтракали вместе, потом отправились в атриум – рассматривать золотых и пурпурных рыбок, коих в особняке держали в память о Гае Касте, любимшем южные редкости. Сидя на краю бассейна голубого мрамора, поэт заметил, как некрасивое лицо Эмилия чуть оживилось, вновь став божественно прекрасным. Свежесть восприятия, радость познания, тепло и нежность ко всему окружающему – вот что пленяло в нем! Эмилий, опустив руку в воду, следил за рябью и игрой вертлявых рыбок, а Квинту мучительно хотелось придвинуться ближе, вновь взять за руку и ощутить вчерашний жар... Он спросил командира когорты о здоровье матушки, тот ответил, что собирается увезти ее на лечение в купальни Иварии – морской воздух должен помочь, так говорят медикусы. Огорчившись скорым отъездом нового знакомого, Квинт с готовностью ухватился за повод поговорить и с таким пылом расписывал красоты родного края, что Эмилий, в конце концов, начал отвечать.

По правде говоря, единственным украшением Иварии было море, с которым жители города связывали и все хорошее, и все дурное. На протяжении веков юноши белокаменного города торговцев и моряков уходили в море, и когда семнадцатилетний Квинт заявил отцу, что он не хочет торговать смолой и канатами, подобно родителю, тот в сердцах ответил: «Так отчего бы тебе не стать моряком? Командовать на триреме, скажем... и польза, и мир посмотришь!» Квинт не стал пояснять, что хочет не просто посмотреть мир, но и показать его другим – так, как они чувствуют, но не видят. А разве у командира триремы есть время мараить пергамент? К своему первому Ка-Инсаар юный поэт уже «намарал» стихов вдосталь, в нем жила неодолимая потребность облекать то, что показывали ему глаза и теплые волны, в слова. Слова вечны и неизменны, но какими жалкими ему казались собственные потуги отразить красоту мира! Он решил, что поедет в столицу империи и выпросит, на коленях вымолит часы учебы у Авла Нерима и Луция Сарвонского – знаменитейших поэтов века. Неважно, как он этого добьется, в крайнем случае станет им рабом или любовником... главное – постигнуть то чудо, что превращает набор значков в подлинные шедевры. Он хотел уйти сразу, как жрецы объявили его взрослым, но пираты Иварии нарушили его планы, и пришлось долгих два года служить в милиции, отбивая беспрестанные нападения. С грехом пополам претор Иварии покончил с морским разбоем, очистив от пиратов побережье, но за это время Квинт возненавидел военную службу, и ни о каком командовании триремой не могло быть и речи. Родитель в гневе предложил ему выбирать: либо непослушный сынок получает пять тысяч риров на покупку судна, либо пять – на дорогу в Риер-Де! В тот миг юный поэт не думал, как проживет на пять риров в чужом городе. Он видел перед собой лишь гимнасий, где основы стихосложения и риторики преподавал Луций Сарвонский, и, не задумываясь, кивнул. Отец тут же дрожащими от гнева руками отсчитал ему пять золотых, но все-таки обнял на прощание, сказав: «Возвращайся!» Возможно, Квинт бы и вернулся, но тут купеческий магистрат добавил пару слов, сделав возвращение в родной дом невозможным: «Дурь сопляка тает мгновенно, стоит закончиться деньгам». Квинт на это лишь фыркнул и отбыл из отчего дома – теперь, надо думать, навсегда.

«Ты написал своих «Любовников» в восемнадцать?» – спросил Эмилий. Квинт с удовольствием отметил, как подлинный интерес заставляет командира когорты повторять уже знакомый, такой чувственный жест – вот он потер переносицу, коснулся века... Да, провинциал Легий сочинил сатирическую поэму о похождениях парочки неугомонных бродяг по дороге из Иварии, но не смог записать ее по приезду в Риер-Де – было просто не на чем. Из пяти золотых остался лишь один, Квинт изрядно поизносился, а еще нужно было придумать, где преклонить голову в столице. В гимнасий Луция он, разумеется, не попал, зато ему повезло устроиться переписчиком к богатому законоведу. Одурев от дневного переписывания десятков купчих и завещаний, Квинт ночами, при тусклом свете плоски с маслом, писал свою первую большую поэму и частенько засыпал над пергаментом, утомившись биться над ритмом. Он казался себе полнейшим олухом и был страшно поражен, когда другие переписчики и приказчики законоведа раз за разом просили прочесть еще! И хохотали там, где положено смеяться, и грустили вместе с героями поэмы, а один даже заплакал в том месте, где бродяга Марцеллин бросил своего ненаглядного мальчика Тино, и умолял вновь свести любовников. Квинт так растрогался, что ночью заплакал сам – ему не верилось, что людям нравятся его стихи! Такого не могло быть, он же бездарь, неужели не видят?

Все шло неплохо, но тут хозяину переписчика «посчастливилось» влезть в процесс, где были затронуты интересы императрицы Мелины и вольноотпущенника Юния Домецiana – эта парочка уже тогда была скована взаимной выгодой. Законовед выиграл процесс... себе на горе. Ему предложили выбрать между казнью и ядом, и бедняга выбрал последнее, а приказчики и переписчики оказались выброшенными на улицу. Несколько парней просто сгнуло – прочие не сомневались, что их тела давно сожрали рыбы реки Тай или волки Санцийской рощи, – а остальным пришлось прятаться. Вот когда Квинт пожалел о месте командира триремы! Он голодал, слонялся по улицам столицы империи, а более жестокого города не найти в обитаемом мире. Лишь гордый девиз остеров времен Порфирия и Аристоника – либо архонтом, либо пеплом! – не давал ему вернуться в Иварию. Он должен был убедиться в своей бездарности окончательно либо убедить весь мир в своей гениальности, и третьего не дано. В убогой каморке такого же нищего мима, делившего кров и ложе с тремя актерами уличного балагана, Квинт дал себе зарок: его стихи будут читать, а если нет... Что ж, воды реки Тай глубоки, немало охотников за почетом и славой уже нашли там последний приют, жернова Риер-Де перемололи тысячи юных, глупых жизней и надежд. Он сочинил для приятелей-мимов короткую пьесу, чтобы хоть так отплатить за ночевку не под открытым небом, и зрителям поэма понравилась. Глава бродячей труппы, больной чахоткой мим Флавий, тонкий, как жезл ликтора, и уже харкающий кровью, привел Квинта в дом куртизанки Адметы, под настроение покровительствующей поэтам. Провинциал провел с Адметой несколько ночей, и она купила ему пергамент и мастику. За это Квинт был готов носить красавицу не первой свежести на руках. Три его пьесы прошли с успехом, но четвертая провалилась – в столице случился очередной бунт рабов, и Адмету попросту убили, не разбираясь, что куртизанка не принадлежала по крови к народу угнетателей. Адмета была кадмийкой, но разве ошалевшие от вина и крови варвары станут вникать в такие тонкости? Сам Квинт, вместе с приятелями-мимами три дня и три ночи дрался с восставшими рабами и после на площади Диокта, сплошь залитой кровью, читал объятый горем и ужасом толпе только что сочиненные строки:

– Кровавый дух, как пробка из бутылки... Кровавый пир, слетелось воронье... Кровавый мир, не внемлю предсказаньям... Ты не сгоришь в огне, но медленно истлеешь...

«Да, – быстро и тихо перебил Эмилий, – именно тогда Иллариий влюбился в твои стихи. Он стоял в толпе вместе с дочерью управляющего загородной виллы Кастов и

слушал тебя. Иллариий говорил, что не рехнулся за те три дня лишь благодаря стихам Квинта Иварийского. И неудивительно: на их виллу напали восставшие, уцелел только он сам, да дочь управляющего. Девочку едва не изнасиловали, успели вырезать на щеке свое варварское проклятье... Иллариий убивал рабов, как мог, ему ж и пятнадцати не было... А через несколько дней после бунта его мать слегла – просто сердце не выдержало – и так больше и не поправилась. Иллариий, вернувшись в разоренный дом, записал твои стихи по памяти. Он клялся мне, что еще в тот день понял: ему никогда подобного не создать, как бы ни старался». – «Иллариий Каст пишет стихи?!» – от удивления Квинт едва не свалился в воду – вот бы золотые игрушки обрадовались такому соседству! «Ну да, я тоже удивился, – кивнул Эмилий. – Мы просто знакомы с Илларием еще по Кадмии, потому и знаю, но он всегда скрывал такое неподобающее аристократу занятие». – «Надо попросить его прочесть, когда проснетесь», – загорелся Квинт. Эмилий перебил со смехом: «Не вздумай! Будем весь день любоваться на знаменитый гонор Кастов, он чудесно пишет, но убежден, что бездарь – так же, как и ты. Должно быть, подобное самобичевание присуще талантам...» – «Я всегда недоволен тем, что сотворил, – ответил Квинт. – Мне кажется, что сумел найти лишь несколько оттенков слова – а там их нужны сотни... Люди не поймут самих себя... а они так нуждаются в этом!» Неизвестно, чем бы закончилось любованье на рыбок, но тут проснулся Иллариий и, ругая на все корки так и не явившегося квестора Сильвия, Сенат и императора, велел подавать обед.

Оставшиеся до отъезда старшего квестора дни Квинт провел, будто в безумном разноцветном сне. Он почти не спал, не ел, лихорадка сжирала его изнутри, но стоило Эмилию взглянуть на поэта своими светлыми строгими глазами, как решимость таяла. Сейчас поэт знал, что удерживало его на расстоянии. Понимание: он встретил подлинное, настоящее, и страх спугнуть это был сильнее желания... Спугнуть прежде всего в самом себе тот неуловимый трепет истинного чувства, что не дает смежить веки по ночам и превращает дни в череду чудес. Эмилий не любит сладкого, зато обожает соленые орешки, предпочитает красное гестийское любому другому вину, фанатично предан ранним вставаниям и прогулкам, его утомляют длинные беседы о политике... Все маленькие открытия, что составляют смысл существования влюбленного – прекрасные, неожиданные. Вот только сущая беда – Эмилий Реи упорно видел в Квинте лишь знаменитого поэта, и когда они оставались наедине, приятельской непринужденностью разрушал все надежды.

«Квинт Легий, ты болван, – заявил ему Иллариий перед отъездом. – Запугал парня своей чопорностью, тот даже сказать тебе не смеет, что остается в столице, пока матушка не поправится. Думает, ты сочтешь это сообщение неподобающей навязчивостью. Ну что смотришь? Вперед, к победе!» Аристократ смеялся, но для Квинта такие насмешки были благословением. «Почему же Эмилий ничем не дал понять?..» Иллариий вздохнул: «Ты презираешь всех носящих завитки на запястьях...» – «Не всех! Лишь пустопорожних болтунов и надутых боровов». – «Неважно, – оборвал Иллариий. – Просто попробуй представить, каких мерзостей наглотеется не очень богатый и не имеющий влиятельной родни военный, понимающий, что одной безупречной службы мало для успешной карьеры. Тем более если он не желает ронять в грязь родовые символы, подобно квестору Сильвию. Эмилий не желал, чтобы им пользовались, а после вышвырнули, только и всего. Убеди его в своей искренности...» И тут квестор прервал сам себя: «Мать-Природа Величайшая, как же я не хочу уезжать!» Квинт поразился безмерно. Аристократ всегда так рвался в армию, точно без него б там все рухнуло. «Не хочу видеть этих... никого, ни Гая, ни его «гусаков» – как бы мне не прибить Сильвия в дороге! А меньше всего – Севера Астигата. При одном взгляде на дрянного хама мне хочется все бросить и сбежать подальше, хоть в Землю Тигра. Хоть проси о переводе, но это слишком унижительно, это слабость...» – «Нельзя все мерить гордостью», – возразил Квинт, но аристократ лишь

поморщился. «Чем же мне мерить?» – спросил он, и в голосе его вновь была безнадежная горечь. «Любовью», – прошептал поэт вслед удаляющемуся топоту копыт.

Счастье просто быть рядом с Ли дало Квинту огромные силы. На Форуме он собирал громадные толпы слушателей, его речи записывались и копировались переписчиками, и никто из восторженных почитателей не мог бы угадать, о чем думает оратор в миг, когда колонны содрогаются от рукоплесканий. Когда-то давно Квинт зарабатывал себе на жизнь написанием речей ораторам и сенаторам, стараясь угодить капризным заказчикам – что было делать, если наступили мрачные времена, и никто не проявлял интереса к его искусству поэта? – и мечтал о почете и славе. Теперь же он не видел восторженных лиц, но представлял, как Ли стоит в тени портика и прищуренными, близорукими глазами наблюдает за ним. А после они пойдут гулять и будут вместе целый день. Квинт не торопил события, сдерживая желание, а строгие глаза теплели с каждым днем. Однажды Ли со смехом рассказал об истории, что случилось с ним в армии. «Знаешь, после этого я решил: никаких связей с мужчинами, женюсь на тихой, скромной девушке. Вот глупость, верно?» Оказалось, что Эмилия преследовал командир его легиона, буквально не давая проходу после того, как они справили вместе обряд. «Зачем же ты согласился лечь с такой сволочью?» – возмутился Квинт. Эмилией долго молчал. Поэт уже было испугался, что обидел неуместным любопытством, но потом собеседник прошептал: «Меня никто не спрашивал. В армии такое водится, а я тогда командовал центурией... Кому есть дело до жалоб младшего командира? Кроме того, это было на Ка-Инсаар, Быстроразящие приняли жертву... и чем случившееся со мной отличается от изнасилований пленных?» – «Но ты не пленный и не раб!» – «Я тоже так решил, – кивнул Ли, – потому и старался скрыть. В случае огласки меня ничто, кроме позора, не ждало бы. Как говорит квестор Астигат, если мужика отымели, значит, он хотел подставить задницу...» Мимолетно подумав, что столь ненавистный Лару варвар весьма метко выражает свои мысли, Квинт обнял Ли за плечи и сделал то, что давно хотел – погладил кончиком пальца веснушки над губой... «Ты не боишься меня?» – шепотом спросил он, и некрасивое лицо дрогнув, преобразилось. «Нет», – с силой выдохнул Ли и прижался к поэту – доверчиво и крепко. В этот миг Квинт Легий все решил для себя. Он не станет трясти дерево, стараясь сорвать плод, он сам влезет на тонкие ветви, чтобы никак не повредить свою драгоценность.

Все случилось во время одной из прогулок по садам императрицы Августы. Жена Диокта Счастливой Куницы славилась любовью ко всему порождаемому землей, и вот уже сто лет жители столицы пользовались ее трудами, бродя по тенистым аллеям. Квинт так хотел этого, что когда понял – можно, наконец-то можно, его не оттолкнут! – то растерялся. Он коснулся виска Ли губами, наслаждаясь тем, как билась под кожей тонкая жилка, провел ладонью по спине... Ли замер, напрягшись, а потом выдохнул шумно и прижался всем телом – сам. Они забрели в дальний уголок садов, густая листва, окружавшая беседку, скрывала мрамор лежанок, и тени падали на лицо любимого.

– Ты для меня дороже неба, – просто сказал Квинт и принялся расстегивать фибулу плаща. Разделся спокойно, под взглядом светлых глаз – смотри, любовь может обойтись без стыда и горечи! – и шагнул ближе, без слов предлагая себя. Ли понял – о, все понял! – и... испугался.

– Квинт... но я же младше! Ты – великий поэт, а кто я такой?!

Глупый, солнечный глупый мальчик, едва не искореженный жестокой властью сильных.

– Ты – драгоценность, высший дар, моя награда. Песня светлого дня, пламя в очаге, сам воздух, – быстро зашептал поэт, не переставая целовать залитое краской лицо. Такое некрасивое, неправильное, перепуганное... и любимое – бесконечно, отчаянно. Ли сдался настойчивости, осторожно, словно боясь обжечься, положил руку Квинту на бедро, а потом ласкал – неумело, но так старательно. Эмилию Реи было двадцать три года, и он впервые соблазнял мужчину, впервые взял кого-то на ложе... если мраморную скамью и подстеленный плащ можно назвать ложем. Когда Ли сделал его своим, Квинт широко распахнул глаза, всматриваясь в прекрасный лик над собой. Теплые волны связали их, вели за собой, накрывали неотвратно. Мягкие толчки внутри, миг пронзительного наслаждения, тихий стон куда-то в шею, и влажные пряди под ладонью... что толкнуло поэта на кощунство? Он не знал, но это, должно быть, была воля самой Природы, потому что ни тогда, ни сейчас он не мыслил иначе. Любовь – дело людей, не люди ее не знают, они просто берут Жертвы, а то, что произошло между ним и Ли – не Жертва! Просто человеческое счастье отдавать и брать, наполнять мир своим теплом.

Ка-Эмили! – Квинт не произнес этого вслух, он боялся напугать Ли еще сильнее, но в миг, когда семя испачкало живот и ладонь любовника, поэт подумал, что теперь можно умирать. Он познал, что хотел. Понял суть жизни, природу своего искусства, нашел того, единственного... После он долго успокаивал Ли, целовал потемневшие веки и ярко выступившие на побелевшем лице веснушки. Ох, ну и скромники уж действительно водятся в армии Лонги! «Я люблю тебя, я хотел сам», – шептал ему Ли, а Квинт говорил: – «Все еще будет, если ты захочешь, а твоего командира легиона мы ославим так, что сотню раз пожалеет». – «Не надо, его давно убили келлиты, просто я все время думал, как опозорился и как наглупил». Едва добравшись до дома – своих трех комнат под самой крышей, за которые поэт не всегда вовремя вносил плату, – Квинт вовсе бросил вожжи, и его понесло. Он кормил Ли с ложки, взялся его купать, выгнав раба... Когда губка, смоченная ароматическим мылом, скользила по стройному нагому телу, Ли вдруг отнял ладонь от напрягшейся плоти и быстро спросил:

– Ты хочешь, чтобы я принадлежал тебе? Квинт...

Поэт быстро опустился на колени и взял небольшую, красивую головку в рот, вбирая разом вкус розового мыла, и чистой воды, и выступившей влаги. Ласкал языком по всей длине, а Ли лишь вскрикивал, стараясь не толкаться в рот сильнее. Почувствовав, что плоть под губами набухла и начала пульсировать, Квинт перенес любовника на постель – прямо такого, мокрого, растрепанного... тот был расслаблен, как лишь перед разрядкой бывает, и проникновение вышло легко... Ли не успел сжаться, испугаться, а уже был заполнен и кончил сразу же, как внутренние мышцы стиснули плоть Квинта. И вновь поэт не мог налюбоваться на своего возлюбленного, а во взбудораженном разуме складывались слова. Не покидая вздрагивающего тела, он зашептал Ли в ухо:

– Впусти в себя, так глубоко, как сможешь. Раскрой замок, порадууй плоть мою. Но что желанье плоти перед властью духа? А дух – до гибели в твоём плену. Так тесно, Ли, так тесно! Сильнее, мальчик мой, храбрей!.. Раскрой себя вторжению навстречу, прошу, не избегай моей любви.

И правда, он не мог насытиться до рассвета, и Ли с каждым разом становилось все лучше, как бывает с теми, кто созрел для страсти, но долго сдерживал ее. В третий раз он сам встал на четвереньки, изогнулся, завел руку за спину и направил Квинта в себя. Вход был растянут неимоверно, и, глядя на собственное семя, на следы, оставленные его плотью на подрагивающих ягодицах, и капли пота на покорно опущенной шее, Квинт не мог отделаться от наваждения. Проникая в любимого, слушая его стоны и вскрики,

сжимая ладонями само наслаждение – упругое, властное, настойчивое, – он едва ль не в полный голос выкрикивал строфы:

– Нет меры на земле точнее Меры сей. Всевластная Любовь отринет разум, заставит замолчать язык толпы, что поострей и горше жала пчел. Нет больше ничего, лишь мы с тобой и Мера. И каждый раз ее мы ищем вновь.

Каждый находит свою Мету, размышлял Квинт, лежа рядом с утомленным соитием Ли. Для Илларию – это гордость, для Юния Домециана и императрицы Мелины – власть, для какого-нибудь нищего бродяги – кусок хлеба. Нет ничего неизменного, единственно верного в этом мире, и все-таки есть. Любовь, что заполняет пустоту, ведь без нее нет ни гордости, ни власти, ни насыщения, нет вообще ничего! Но как измерить Любовь? Все очень просто! Нужно лишь провести рукой по спутанным русым прядям, смять припухшие губы своими и прошептать, как заклинание:

– Свободны мы в одном – найти ту Мету, и я ее нашел в тебе, в том теле, что, жадно содрогаясь подо мной, открыло тайны мироздания. Что человек пред Матерью-Природой, что знает он перед лицом Инсаар?! Но те, что знают, какво веленье Меры Любви, не могут подчиняться слепо. Риер Амориет – вот мой зарок. И твой ответ мне будет дан, лишь ты проснешься. Познаю вновь тебя, еще раз разбуджу прикосновеньем пальцев к жадной плоти, ударом естества по жаркой сути, единая волна нас унесет туда, где никому не место... Прочь! Прочь глупые жрецы, отрину я закон! Не для того мужчинам рядом возлежать на ложе, чтоб угодить ненужным постулатам. Все, что есть во мне, отдам лишь одному – и не зовут его Неутомимым, и кожа не сера, а будто краски все впитала... О Ли, проснись же поскорее!

Им было отпущено мало времени, но те короткие месяцы Квинт прожил, точно в бреду горячки. Они расставались с Ли лишь на то время, что требовалось для ухода за матушкой командира когорты, и вновь и вновь познавали друг друга сердцем и плотью. Оба похудели и осунулись, но в глазах Ли Квинт видел тот же лихорадочный огонь. Насладившись телом любимого, Квинт вскакивал и садился писать, и строки ложились так быстро и чисто – почти не приходилось править! – что он сам себе поражался. Ему впервые было все равно, бездарь он или нет, хвалит ли его публика по недоразумению или чует в нем истинный талант. Он писал только для одного человека во всей Риер-Де и землях варваров – для Эмилия Реи. А Ли его стихи нравились, ведь каждую строфу они сочиняли вместе. Какое упоение – поднимая голову от пергамента, видеть искры в светло-серых глазах, смотреть, как Ли загорелой рукой подпирает подбородок, неотрывно глядит на любовника, и спрашивать его, смеясь: «Ты не устал? Я скоро!» – «Не торопись, – отвечал Ли, – я подожду... буду ждать хоть до утра». До утра, правда, никогда не получалось, их тянуло друг к другу так сильно, что после они оба с трудом могли встать, но что значит усталость и небольшая боль, если ты, наконец, дорвался до счастья?

Первый список с поэмы, которую Квинт назвал «Мерой Любви», «Риер Амориет», автор послал Илларию Касту. Ему не терпелось узнать, что гордец квестор скажет по поводу сделанных в ней заключений. Лар, как всегда, понял главное и ответил очень быстро. «Даже не знаю, что говорить, мне впервые отказало умение связно выражать свои мысли, – писал аристократ. – Квинт, это же прекрасно! Я только что прочел все семьсот восемьдесят три стиха и теперь боюсь выйти из своей комнаты, не желаю ни с кем говорить, пока во мне это невиданное чудо – ведь его тут же испачкают. Читал всю ночь и часть утра, мне пора на службу, но... Квинт, друг мой, ты сделал меня счастливейшим и несчастнейшим из людей – ибо как мне жить теперь, если я не знаю Меры? Но как отрадно знать, что ее знают другие! Спасибо тебе, я готов целовать пальцы, сотворившие

«Риер Амориет», и лишь одно меня тревожит: будет страшным преступлением прятать поэму, показывая лишь близким. «Меру» нельзя скрывать, но и показывать ее опасно. Каждая строка ее – безумное святотатство, ведь ты прославил в веках любовь людей, страсть мужчины к мужчине – не посвященную Инсаар, не нужную для ублажения чудовищ, но свободную, какой она и должна быть. Мне страшно, Квинт, страшно за тебя и твоего Ли. Надеюсь, что смогу уберечь тебя от гнева императора и жрецов, но от гнева нелюдей не уберезет никто. Что если «Мера» оскорбит их?»

Квинт был поражен. Друг впервые заговорил о своем страхе, и поэту подумалось мимолетно, а что если судьба за дерзость отнимет у него Ли? Ему даже захотелось выбросить свитки в огонь, но это было б величайшей трусостью, а у плебеев из Иварии своя гордость. Ли был согласен с Илларием: «Риер Амориет» оскорбит и ханжество знати, что предпочитает творить насилие, но стыдится любви, и жрецов, но прятать «Меру» нельзя! «Я продам все, что у меня есть, – твердил командир когорты, – и ты издашь поэму». Разве после таких слов Квинт мог отказаться? Но идти на жертвы не потребовалось. В дом Квинта пришел низенький человечек и, представившись казначеем Иллария Каста в Отце городов, поведал, что хозяин велел ему выдать поэту и оратору Квинту Легию десять тысяч риров на издание стихов. Лар невысказанно щедр... Квинт попытался отказаться, но сразу же столкнулся с тем, что предсказывал аристократ – даже лучшие друзья-переписчики и издатели не желали связываться со скандальной поэмой. Они читали, восхищались, но ужас перед святотатством был силен, и Квинт не мог их винить. Поэт взял деньги квестора Каста, поклявшись вернуть, и нанял собственных переписчиков. Некоторые из них после дня работы бежали в храмы Быстроразящих и калялись в грехе, в том, что своими руками несли в мир непокорство извечному пугалу – Инсаар. Мужчина любит мужчину просто, потому что любит, как такое можно признавать открыто?! Как можно писать о прекрасном лице возлюбленного и сравнивать добровольную страсть с насилием Ка-Инсаар – и не в пользу последнего?! Наш долг перед Неутомимыми – приносить Жертвы, а кому призывает принести Дар Квинт Легий?! Только любимому, шепча ему на ухо всяческий вздор... как жутко! Как жутко и... восхитительно!

Квинт всегда желал славы, что уж скрывать, но когда списки «Риер Амориет» стали распространять открыто, по-настоящему испугался. Его творение, где в посвящении значилось: «*Эмилию Реи, моему Ли*», стало достоянием всех и каждого. Люди бегали друг к другу, потрясая поэмой, зачитывали целые куски на площадях, неграмотные умоляли товарищей, чтобы им тоже прочли... Вначале Квинта вызвал к себе глава партии военных, сенатор Кассий, и настоятельно посоветовал уехать на время из столицы. «Юний Дометиан и императрица тоже умеют читать, – хмыкнул сенатор. – Конечно, развращенней этой парочки нет на белом свете, но жрецы и некоторые влиятельные люди уже давят на императора. Вольноотпущеннику важно сохранять добрые отношения с куриями, и если те подадут жалобу, Юний посоветует Кладию упрятать тебя в тюрьму». – «А что, если дать прочесть «Риер Амориет» императору? Вдруг ему понравится?» – робко вставил Квинт. «Ты с ума сошел?! Думаешь, носящий венец Всеобщей Меры проникнется какой-то еще Мерой? Среди властителей весьма мало тех, кто отнесется с сочувствием к посягательствам на их священные права – быть единственным мерилом времени и чувств для подданных, пойми же, поэт...» Квинт ушел из Сената в подавленном настроении, впервые думая, что воюющий за тысячи риеров Иллариус Каст стал бы лучшим императором, чем его дядя. Даже жаль, что Лар не хочет власти... но возжелай он венец, у Квинта не было б такого друга, так что уж лучше тюрьма. В конце концов, юнца, справившего нужду на плиты храма Инсаар, всего лишь выпороли кнутом и посадили на год, так неужто Квинта Легия казнят за стихи? Следующим доброжелателем был знаменитый поэт и философ Луций Сарвонский. Он пригласил Квинта в гимнасий,

куда много лет назад не принял бедного провинциала из Иварии и, шевеля седыми бровями, сказал: «Так рождаются гении, мой мальчик. Но берегись – ты посягнул на миропорядок! Что станет со всеми нами, что станет с империей, если люди начнут подчиняться лишь своим желаниям и искать Меру не в долге?» – «При чем тут долг? – возразил Квинт. – Нелюди принуждают нас к любви не по долгу, а по прихоти, просто люди слабы и ленивы, чтобы бороться...» Они проговорили много часов, а вернувшись домой, Квинт застал в своем жилище не Ли – городскую стражу. Сенат возбудил против него процесс, и святотатца немедля бросили в темницу.

Квинт всегда считал, что принадлежит к низам общества, к тем, кому судьба не отмерила благ полной ложкой, и чаще всего действовал в их интересах, но четырехмесячное заточение в тюрьме Трех Бдящих многое добавило к его пониманию людей. Когда-нибудь он напишет о том, что видел в тех стенах, расскажет о сгустке боли и страданий, о надежде, возникающей и крепнущей там, где, казалось бы, должен померкнуть свет. Ему повезло – в камере, кроме «святотатца», оказалось лишь четверо заключенных. Никого из них не пытали, даже не били, да и вообще – эту галерею в тюрьме недаром называли «консульской», туда помещали только тех, кого боялись обвинители. В соседней камере сидел помощник претора Иерусы, обвиняемый в воровстве, так к нему даже жену пускали по праздникам. Сокамерники Квинта обходились без таких роскошеств, но трех богатых купцов и щупленького человечка непонятного происхождения кормили каждый день. Большинство обитателей Трех Бдящих похвастаться таким не могли – хотя бы потому, что питались узники лишь тем, что складывали в лотки на внешних стенах добрые жители Риер-Де, а подносили, очевидно, мало... и лучшие куски стража, разумеется, забирала себе. Вина купцов состояла лишь в том, что они дали деньги в долг не тому, кому нужно, а щуплый человечек таинственно исчез однажды утром, и его никто больше не видел. Но подобные тонкости не сразу стали занимать Квинта. Первые дни в тюрьме он думал лишь о том, чтобы его вину не возложили и на Ли, сделав того соумышленником кощунства. Окажись Иллорий в столице, всё было б куда проще! Но квестор Каст, как и вся армия Лонги, вел войну с келлитами и при всем желании не мог сейчас помочь другу ничем, кроме писем в Сенат и императору.

Задним числом узнав подоплеку всей истории с его заточением и процессом о святотатстве, Квинт немало поразился. Пока же он, как и все заключенные, считал мучительно тянущиеся дни и ночи и тосковал... Именно в тюрьме ему дважды приснился странный сон, что поэт не смог выбросить из головы и спустя много лет. Он проснулся на чуть прикрытой соломой лежанке оттого, что гулкой, тягучий голос позвал его:

– Аааааааааа...

Просто звук, ничего больше, но Квинт был уверен: зовут его, именно его! Он сел на лежанке, всматриваясь в кромешную темень камеры, но услышал лишь храп товарищей. И тем не менее здесь, рядом с ним, было... нечто. Голос раздался вновь, низкие интонации отдавались дрожью во всем теле, сладостной дрожью, без тени страха... и в бредовый миг, на грани сна и яви, он увидел огромные, черные, без белков глаза. Провалы, бездонные ямы, заглядывающие прямо в душу... Квинт с криком вскочил, сиюсь стяхнуть наваждение, разбудил купцов, и те долго ругали его – сон в тюрьме драгоценен. Но когда ночное видение повторилось, он едва не сошел с ума от страха: казалось, будто нечто неведомое предупреждает о скорой гибели, опасности – для Ли, для него самого. От припадков безумия Квинта спас оратор, коего Ли нанял защищать любовника... на какие деньги? Оратор настоятельно советовал поэту согласиться убрать из «Риер Амориет»

пассажи про Инсаар: в урезанном виде поэма хоть и оскорбляет нравственность, но кто станет протестовать против чувственной любви, если сам император делит ложе с мужчинами? Квинт колебался, продолжая разрываться между нежеланием уродовать собственное творение и страхом за Ли, и во время процесса. На первое заседание его привели под охраной, предварительно как следует накормив и дав помыться. Оказалось, что в святотатстве поэта обвинили не только жреческие курии, но и двоюродный брат Илларию – Вителлий Каст, крупный мужчина с правильными фамильными чертами лица и громким голосом. Вителлий ополчился на «Меру» так, словно сам был не то Инсаар, не то главным поборником нравственности в империи, и метал громы и молнии добрых два часа. Потом слово дали Квинту и его защитнику. Поэт не стал оправдываться, просто сказал, что не видит дурного в изображении другой стороны Любви, не обрядовой, не обязательной, но свободной. «Разве плохо, если люди станут справлять Ка-Инсаар более осмысленно?» – «Ты лжешь! – заорал Вителлий Каст. – Ты прикрываешь кощунство витиеватостью, свойственной писакам!» Сенатор Кассий, коему никто слова не давал, но никто и не посмел заткнуть рот, потому как все знали о его тесной дружбе с двумя лучшими полководцами Риер-Де – консулом Максимом и претором Друзом, – рявкнул с места: «Должно быть, благородный Вителлий позабыл о чувственном экстазе с тех пор, как его и братьев лишили доли в наследстве?» Это был столь явный намек, что присутствующие тут же ввязались в обычную свару, забыв о причине разбирательства, и ликторам с трудом удалось утихомирить отцов-сенаторов.

На следующее заседание явился Луций Сарвонский. Он привел с собой лучшего декламатора своего гимназия, и в гулкой тишине в стенах Сената зазвучали строфы «Риер Амориет»... Квинт слушал, будто в первый раз, ему самому не верилось, что он мог создать такое. Половина зала прятала покрасневшие лица, а другая... уже после прочтения первого раздела, на ноги вскочил молодой и очень знатный сенатор партии аристократов, Квинт запомнил его имя, и воскликнул:

– Триумф поэту! Триумф!

Позже Квинт понял: все было подстроено заранее, его сторонники не теряли времени даром. Стоило залу взорваться рукоплесканиями и проклятиями, как вперед выступил Луций Сарвонский и торжественно возложил на голову преступника миртовый венок, скованный из серебра. Ночью в камеру пустили оратора-защитника, и тот шепотом передал клиенту: «Вольноотпущенник Данет Ристан весьма заинтересован в том, чтобы обвинение позорно провалилось, и готов оказать услугу поэту. Уже оказал, собственно, но от самого Квинта Легия требуется ряд уступок. На следующем заседании обвиняемый должен торжественно посвятить свою «Меру»... жреческим куриям, ибо это единственная по-настоящему опасная сторона процесса». Квинт согласился. В конце концов, жрецы имеют равное право знать Меру Любви, как и все остальное человечество. Кроме того, из текста придется убрать прямые оскорбления Быстроразящих. На таких условиях Данет обещает Квинту освобождение и даже издание поэмы за счет казны. «Одни злые духи знают, можно ли верить бывшему рабу, еще два года назад про Ристана никто и не слышал, – сомневался защитник, – но теперь все чаще говорят, что оба любовника императора начали соперничать между собой... а если обвинения курий поддерживает Юний Дометиан, то Ристану выгодно обратное, то есть твое оправдание, Квинт. И потом, посвятив стихи жрецам, ты ничего не теряешь».

Последнее заседание было куда менее бурным, но для самого поэта очень важным. Его освободили прямо в зале, сняв обвинения в святотатстве и покушении на устои императорской власти, но перед этим защитник зачитал обращение к Сенату командира когорты Первого легиона армии Лонги Эмилия Реи. Ли заверял самых достойных мужей

империи, что его любовник свято чтит законы Инсаар и никогда их не нарушал. Если же сенаторы не верят слову аристократа, то он, Эмилий Реи, готов разделить с Квинтом Легием все тяготы заточения. Квинт плакал, не стыдясь. Вот она, его награда – Ли, тот, для кого была создана «Мера», пошел с ним до конца... Жрецы приняли посвящение, и поэт обещал предоставить исправленный текст поэмы через пару месяцев. На том и кончился скандальный процесс против самого могущественного чувства, что Мать-Природа дала людям в утешение. Эмилий ждал его на подъездной аллее Сената – его солнечный мальчик, бледный настолько, что все веснушки видны... Ли положил Квинту руки на плечи, зажмурился, тяжело выдохнул сквозь зубы... Так они и стояли посреди мраморного великолепия. «Ты свободен, свободен, – шептал Ли уже после, на ложе в небольшой комнатенке под самой крышей. – Я могу уехать...» – «Куда уехать?!» Отпустить Ли от себя теперь, когда самое страшное позади, казалось невозможным. «Я должен вернуться в армию, консул продлил мне отпуск, но идет война, меня ждут...» Ли в ту ночь будто с ума сошел. С силой рванул любовника на себя, развел колени, не нуждаясь в ласках, движениями бедер требовал взять его, а Квинт, толкнувшись в узкое, тесное, жаркое, точно потерял себя. Волны накатывали одна за другой, но в привычную и каждый раз новую песню страсти вплелась невиданная нота – будто нечто все еще было здесь, в его теле и теле Ли. Квинта вновь кто-то звал, и гудела голова, и тяжелой болью ныли чресла. А после Ли с усилием сглотнув, проговорил: «Не знаю, что со мной, кажется, вот-вот умру». Любимый закрыл глаза, Квинт испуганно тряхнул обмякшие плечи, но увидел лишь совершенно безумную улыбку: «От счастья, Квинт! Мы вместе». Ли заснул тут же, а поэт всю ночь сидел рядом, карауля свое сокровище. Показалось или нет, будто нечто вторглось туда, куда нет хода никому, кроме двух любящих, и хотело забрать Ли? Вот же дурь! Он долго гладил любимые веснушки над верхней пухлой губой, потом сел к столу и написал Илларию длинное письмо.

Ответ пришел очень нескоро, лишь на пару дней опередив самого Илларию. Квестор приехал в столицу в день, когда Квинт и Ли впервые поругались, и поэт был разобижен на весь мир. Теперь он думал: своим непомерным тщеславием он навлек беду на всех них, что ему было нужно?! Он получил от жизни все, целиком, без остатка, и все-таки жаждал еще больше. Такова природа человека. Всеобщая Мера издала за свой счет «Меру Любви», бытие сияло нестерпимо яркими красками, но уж лучше б их было поменьше, зато счастье длилось дольше. Квинт начал понимать, что выпустил на волю и злого духа тоже, хотя желал лишь добра. Но в мире, где правит глупость, равнодушие и пустота, Любви приходится карабкаться по острым камням, чтобы увидеть солнце. Юноша по имени Исмений, сын магистрата, поклялся в присутствии свидетелей на тексте «Риер Амориет» в вечной любви к своему избраннику, после чего перерезал себе горло. Вновь разразился страшный скандал. Выяснилось, что магистрат принуждал сына к сожительству с неким влиятельным лицом, чему юноша противился отчаянно, ибо любил товарища по гимназию. Пример оказался заразительным, вскоре все Святилища Любящих заполнили списки с поэмы Квинта. Юноши, и даже зрелые мужи, клялись любить друг друга так, как любят Квинт Легий и Эмилий Реи. Однажды, возвращаясь из купален Санции, они слышали, как юный голос пел в ночной тиши:

– Я знал тебя, любил тебя. Мне никогда не позабыть твоих ладоней и чистоту воды, что пил я с них...

Первый стих «Риер Амориет» стал известнейшей песней, и после на музыку переложили еще множество. А тогда Ли повернулся в седле, обнял любовника за плечи и сказал строго:

– Ты создал новую веру, Квинт. А люди сделали текст «Меры» священным. Ты для меня – как живое божество, я буду молиться на тебя до последнего вздоха и даже после, в Доме теней, но прошу об одном взамен: будь справедливым божеством.

Квинт проклинал твердость Ли и восхищался ею. Поэт требовал от возлюбленного остаться в столице, подать прошение об отставке, не возвращаться в армию, но Ли уперся, будто крестьянский осел. «Ты мой упрямый конопатый ослик», – смеялся Квинт, силясь скрыть страх и злость. Все его доводы разбивались о глухое упорство. Аристократ полагал, что его место на войне – и точка. Он и так слишком засиделся в столице. «Ты просто не любишь меня!» – крикнул с досадой Квинт. Нет, Эмилий не ответил на упрек – просто ушел, не сказав и слова, и это было более и обиднее всего. Илларию поэт встречал в одиночестве. Старший квестор консула Максима точно принес с собой грозовой ливень и раскаты гнева стихий небесных – рядом с ним было тяжело дышать. Иллариий поволок друга в свой дворец на площади Диокта и начал пить еще в атриуме, потребовав от рабов не вина даже, а крепчайшей настойки, что валила с ног дюжих конюхов. «Не стоит ковыряться в грязном белье, доискиваясь, отчего тебя посадили, а потом выпустили, – морщась, говорил Лар, цедя кубок за кубком. – Не лезь в политику, Квинт, ты в ней не разбираешься – и это прекрасно. Мы победили ханжествующих дураков, вот все, что нужно знать и помнить... Позволь поздравить тебя, наконец я горд тем, что могу назвать величайшего поэта мира своим другом». Иллариий положил ему руку на плечо, а Квинт, зная, как квестору ненавистны любые вольности, с удивлением старался поймать его взгляд. Но Лар молчал, опустив голову, а потом, нехотя убрав ладонь, пробормотал глухо:

– С тобой так тепло... Прости.

И тут Квинт понял, что изменилось в аристократе, ведь они давно не виделись. Стенки, державшей на расстоянии любого и каждого, кто подойдет слишком близко, будто не было больше, вместо ледяной преграды – поток ярости и боли. Гордый мальчик задыхался от невозможности это выразить, но ему плохо, плохо, потому он и ведет себя так странно. Квинт сжал ладонь на горячем запястье, спросил прямо:

– Что с тобой?

Иллариий залпом осушил очередной кубок и выкрикнул поэту прямо в лицо:

– Вот скажи мне, знаток людских сердец, неужели я вовсе не стою любви?! – квестор вскочил с лежанки и заметался по комнате. Он был уже прилично пьян, но отчего-то поэт не сомневался, что даже в столь сильном подпитии аристократ способен свернуть шею трем таким, как Квинт Легий – на обнаженных руках буграми вздувались мускулы, казалось, в Илларию вселился демон разрушения. – Меня можно лишь ненавидеть, презирать или не замечать. Что я сделал всем? Что я сделал... ему?

Последнее слово Лар почти прошептал и, подскочив к столу, налил себе еще настойки. Выпив, швырнул кубок на пол, да еще пнул для верности, а потом принялся глотать убийственную жидкость прямо из горлышка большой бутылки.

– Когда я уезжал, он сказал – да так, чтобы все слышали: «Каст, верно, развлечется как следует. Для здешних мест больно нежен...» Сволочь! Гнусная сволочь! Он знает, как я его ненавижу, и преследует меня, но не дожидается... И знать не желаю, с кем он и что... Я его не вижу, не смотрю, не замечаю – вот он и бесится, так? Скажи, Квинт, так? Еще бы, при его гордыне, разве можно стерпеть, если кто-то указывает ему настоящее место?! В колодки – и кнутом, а после...

– Погоди, – Квинт, силясь разобрать нечто осмысленное в бессвязном низком шепоте, тоже встал. И отшатнулся, поймав взгляд Иллария. Место сияющей синевы заняла странная, затягивающая глубина, что была сродни взгляду того неведомого, приходящего во сне. Квинту пришлось потрясти головой, чтобы отогнать непрошеное воспоминание. Но смотреть на Лара и не смотреть оказалось равно невозможно. – О ком ты говоришь?

– Об этой белобрысой гадине. Я его раскусил, а другие не видят! Он же все время лжет, на каждом шагу... Вначале он скрывал, что умеет читать, а я заметил... случайно... вот зачем прятать такое умение? Потом заметил, как он разговаривает с разведчиками-варварами и далеко не все сведения передает нам. И вообще, я не верю, чтобы лонг служил империи от чистого сердца, и тем более не верю, что у этого лонга вообще сердце есть...

– Так ты все о квесторе Астигате? – поразился Квинт. – Сильно же задел тебя этот варвар...

– Меня. Не. Задевают. Никакие. Варвары. Советую. Запомнить.

Ого! Илларий Каст взбесился всерьез! Так аристократ не был зол даже в памятный день их знакомства на Форуме.

– Это его задевает! Задевает то, что варвара не принимают как равного, что я смотрю на него, будто его нет. Понимаешь? Проклятый лжец, не защищай его Максим, убить бы гадину...

– Ты обвиняешь варвара во лжи на основании того, что он скрыл свою грамотность? Но если он просто постеснялся показать свои скромные возможности рядом с таким образованным человеком, как ты? Гай Арминий и другие квесторы тоже выросли отнюдь не в дремучих лесах...

– Постеснялся? – Илларий остановился, будто налетев на невидимую преграду. – Квинт, не путай таких, как Север Астигат, со здешними юнцами, смыслом жизни которых является завести коня получше, чем у приятелей, и любовника побогаче. Север бы не постеснялся оголеть зад перед императором, дикарь невообразимо нагл. Он лгал нарочно, преследуя свои цели...

– Но какие цели так можно преследовать? – Квинт не понимал ничего, кроме одного: что-то взорвало всегдашнюю сдержанность Иллария, и теперь не обойтись без жертв.

– Говорил тебе: не лезь в политику и войну, – зло хмыкнул пьяный квестор. – Как ты не поймешь, якобы неграмотного спокойно можно оставить одного в комнате, где есть важные донесения. Просто я слишком хорошо его изучил и вижу хитрости насквозь, а других Север успешно дурит...

– Ты же сказал, будто не замечаешь варвара, тебе нет до него дела, – протянул Квинт. Пусть мальчик расстанется с частью своей спеси для его же пользы. Все слишком очевидно, ошибиться невозможно. Но Лар был ему другом, и следующие слова будто хлестнули по сердцу – кнутом сострадания.

– Да! Да! Я стараюсь изо всех сил и все равно вижу... Каждый жест, каждый взгляд! Я знаю, какие у него глаза – будто камень, омытый дождем... Квинт, будь все проклято!..

Илларий стремительно преодолел разделяющее их расстояние и вцепился в плечи поэта. Рваные фразы, хриплое дыхание, слезы в темной глубине глаз... Как страшна может быть любовь, когда она не взаимна, когда человек не хочет пользоваться Мерой...

– Знаю, что он носит нож под туникой, будто мало меча и кинжала... Знаю, что не любит своего Сильвия и не полюбит никогда, лишь притворяется... знаю, что ему нравится запах леса, и трав, и дикого меда... и он мечтает о славе и битвах, и никто его не удержит... Я... не понимаю, Квинт! Мне хотелось совсем другого, он же умнее их всех вместе взятых, и смел, как лесная кошка, и все понимает без слов, и красив, будто божество... Почему так случилось?! Теперь все кончено. Понимаешь, кончено! Навсегда! А я не могу... Квинт!..

Поэт прижал квестора к себе, и теплая волна потекла навстречу, омывая сильное тело, вздрагивающее в его руках. Осторожно отбросил со лба прядь волос, осмелился заглянуть в затягивающие зрачки, в самую суть жуткого омута.

– Потому что ты его любишь, – тихо сказал Квинт и, предвидя рывок, крепче сжал руки.

– Люблю? Ты спятил, Великий! Север... растоптал меня, унизил прилюдно – так, что впору убийц нанять, но я не сделаю такого. Это унизительно и еще...

Илларий моргнул беспомощно и выдохнул:

– Не могу представить, – квестор замотал головой, – не хочу видеть его мертвым... Квинт, помоги мне, пожалуйста... пожалуйста... я хочу все забыть!

Твердые губы прижались ко рту Квинта, и в течение нескольких секунд поэт мог убеждаться – целоваться с Илларием Кастом божественно хорошо. Но квестор отпрянул первым. После поэт не раз и не два задавал себе вопрос: что было бы, не реши все сам Лар – за них обоих?

– Прости. Я забылся непозволительно. Ты и Ли... прекрасней пары нет на свете, кто я такой, чтобы разрушать данное самой Любовью? Сам же я не достоин... Квинт, забудь. И давай поговорим о суде.

Квинт видел, каких немислимых усилий стоило аристократу сесть, слушать излияния о сенатском процессе, отвечать – и полчаса, и больше... Несчастный, гордый мальчишка! Но чем ему помочь, было непонятно, и тогда поэт просто перебил сам себя и попросил Иллария прочесть свои стихи. К немалому удивлению, тот согласился и не прочел даже – пропел:

– Юность пройдет, словно в быструю воду канувший камень. Ветру подобная жизнь тяжелой цепью повиснет на шее, и седина заблестит в волосах первым снегом...

Как же нужно замучить самого себя, чтобы, написав такое, увериться в собственной бездарности? Квинт прослушал несколько стихов и смог оценить и ровный,

четкий ритм, и отлично выстроенную композицию. Такое не напишешь, не имея таланта, Илларию лишь не хватало знаний и сноровки. Поэт не смог сдержать искренней похвалы, но Иллариус, смертельно разобидевшись, запретил другу врать, иначе... спьяну Лар не мог придумать достойной угрозы, а Квинт остро пожалел о том, что уже должен аристократу немалые деньги, и тот может решить, будто поэт хвалит его из лести... как жаль! Иллариус, подобно самому Диокту и Гаю Касту, хотел быть лучшим или не быть вообще. Такова гордыня, и горе живущему по ее указке! Не дожидаясь утра, Квинт помчался к Ли и долго просил прощения, хотя любимый и не упрекал его – просто слишком страшно оказалось заглянуть в жестокие очи Нелюбви. «Ты хочешь воевать, не стану противоречить больше, – просил Квинт, – только не забудь меня!» – «Не забуду, – клялся Ли. – Как я могу?»

Они помирились и после ласк долго лежали обнявшись. Насытившись тишиной и близостью, Квинт попросил Эмилия рассказать о том, каков Север Астигат. Поэта снедало жгучее любопытство: в кого же так страстно и так безнадежно влюбился его друг, один из самых сильных людей, что видел Квинт Легий на своем веку? Ли пожал плечами: «Я мало знаю Севера Астигата, но про него много болтают, так что кормись слухами». Байки армии Лонги оказались смесью всяческих мерзостей и странностей, выделить из них истину было непросто. Квинт задал еще вопрос: «Каков варвар с виду?» Тут у Ли нашелся четкий ответ: «Помнишь барельеф из храма Инсаар-на-Горе? Там, где Возлюбленный Луны танцует со львами? За исключением того, что Астигат никогда не наденет на себя гирлянду из лилий – полный портрет». Квинт помнил эту скульптуру. Молодой мужчина, очень сильный и в то же время гибкий и легкий, с густыми волосами ниже талии, жесткое красивое лицо, большие глаза под тяжелыми веками... а рядом три или четыре льва, и человек среди них – будто свой, будто рожден для танца с опасными хищниками. Чуждая стихия, зовущая и отталкивающая... Тяжело же пришлось гордому мальчику Лару, при всем его уме и мужестве...

Поэт крепко прижал к себе возлюбленного, радуясь, что не совершил несусветной глупости, не переступил порог дружбы, о чем после пожалели б и он сам, и Иллариус, и заснул в кольце рук Ли. А через пару дней квестор и командир когорты уехали, а он провожал их на Санцийской дороге.

Жизнь учит жестоко, на четвертом десятке пора запомнить сию простую истину. Но что он мог поделать, Мать-Природа Величайшая?! Повиснуть на шее, не пускать, удерживать силой? Какими глупыми, неважными показались Квинту Легию все щелчки и обиды, что выпадали на его долю раньше – в тот еще не слишком жаркий летний день, когда он получил долгожданное письмо Иллариуса... Еще вчера поэта волновало, что Ли все-таки настоял на своем, не послушался и уехал, грызла отвратительная мыслишка – война и товарищи ему важнее любовника! Квинт не позволял себе думать так, и все-таки думал. Война в Лонге казалась ему несусветной ошибкой: при таком отношении властей все планы покорения Заречной и земель келлитов и трезенов заранее обречены на неудачу. Зачем попусту рисковать жизнью, если можно удобно жить в столице? Еще вчера он жалел Иллариуса, думал, как помочь запутавшемуся в трех кипарисах квестору, ругался с сенаторами, злился на себя за неудачно написанную речь, уговаривал хозяина своих комнат немного подождать с оплатой... Еще вчера... Вот так мы и понимаем, что действительно важно, а что – нет.

Квинт с усмешкой отодвинул нахальный стебель гладиолуса. Пожалуй, пора выбираться из своего цветочного царства и приводить себя в порядок. На вилле соседей по-прежнему тихо, но солнце уже двинулось на ночлег – самое время наносить визиты, Аврелий и Биний вот-вот придут. Будут осторожно расспрашивать поэта о причине

вызова к императорскому двору, несчастный мальчишка Аврелий опустит чистые серозеленые глаза, чтобы не выдать вечного страха перед отчимом и его вольноотпущенниками... Мальчишки все несчастны и счастливы одновременно, они еще не выучили уроков. Теплая волна спорила с разумом – как всегда. Легко запретить себе надеяться и верить, и так трудно продолжать жить, будто ничего не случилось, будто не было ни урока, ни беды. Трудно, а иногда попросту невозможно, и Квинт до сих пор не знал, получилось ли у него не сдаться, не сложить оружие под ударами той неотвратимой ясности, что зовется человеческой судьбой.

О, он не слишком встревожился, услышав от сенатора Кассия, что того очень беспокоит положение в провинции Лонга. Сенатор предупредил: сказанное ни в коем случае не стоит повторять, что означало – передай всем, кому сможешь. Настоящие тайны глава военной партии хранил при себе. «Есть основания считать, – хмурился Кассий, – что вождь племенного союза Брендон Астигат ведет двойную игру, предал, проще говоря... Я получил письмо от хорошего друга из армии Лонги, тот полагает, что Максим и Арминий забрались слишком далеко вглубь Заречной, а Брендон ведет себя странно». – «Что значит странно?» – уточнил Квинт, подумав, что варвары всегда ведут себя странно. «Если б я знал, что все это значит, уже был бы у императора, – резко ответил Кассий. – Положение Максима в Лонге всегда было очень опасным... если напугать Кладия как следует, он, может, и согласится послать в Заречную еще хотя бы два легиона, но пугать пока нечем».

В бессилии горя Квинт думал со звериной ненавистью к самому себе: в миг смерти Ли он, должно быть, спал, или ел, или правил дурацкие речи, сочиненные для трижды проклятого Форума этого сто раз проклятого города, столицы миллион раз проклятой страны... Риер-Де продолжала пить, развлекаться и интриговать, а в Лонге уже все случилось и уже ничем нельзя было помочь. Поэт не был на том заседании Сената, где обсуждали отчаянное донесение вырвавшегося из окружения старшего квестора Каста:

«Армии консула и претора полностью уничтожены врагом. Брендон Астигат предал и повернул свои войска против нас. Насколько мне известно, консул Гней Максим и претор Луций Арминий мертвы. Я, в соответствии с последним приказом консула, нахожусь в Гестии. В моем распоряжении, без учета ополчения и отрядов милиции, девятнадцать тысяч легионеров. По последним сведениям, дружина Брендона Астигата насчитывает тридцать пять тысяч воинов, дружина келлитов – десять тысяч. Перехожу в наступление».

После Квинт узнал, что двадцатитрехлетний квестор дождался от Сената лишь приказа о своем назначении консулом провинции Лонга и обещания выслать подкрепление – два легиона регулярной армии и шесть когорт милиции. К вечеру весть о разгроме армии империи под Трефолой облетела всю столицу, а Квинт работал, запершись, чтобы не мешали, и лишь к ночи послал раба за вином. Когда тот вернулся, поэт, едва дослушав, схватил плащ и кинулся на лестницу. У порога он остановился зачем-то. Оглядел разбросанные повсюду свитки – на столе, на подоконнике, на ложе... Русые пряди на покрывале, испарина на приоткрытых губах, веснушки, любимые веснушки, все до единой пересчитанные поцелуями... он мчался по улицам, уговаривая себя не бояться. Сейчас сенатор Кассий опровергнет глупые, преступные слухи! Но Кассий не опроверг.

– Два легиона! Слышал, Квинт? – крупные черты бывшего военного окаменели от ненависти. – Касту посылают два легиона. Когда они доберутся до Гестии? Правильно! Через шестнадцать дней, если не зарядят дожди. А через шестнадцать дней варвары будут в Предречной, если Каст не сумеет удержать их. А он сумеет? Ответь мне!

Квинт пробормотал беспомощно:

– Как же так?..

У него не укладывалось в голове. Все это неправда! Придут новые донесения, выяснится, что под Трефолой кто-то да уцелел, ведь иногда так бывало – в суматохе не сразу поняли...

– А вот так. Мы потеряли Заречную, а Предречную не потеряем только в том случае, если Илларию поможет кровь деда – больше ему рассчитывать не на что. Ублюдки!

Кассий сцепил руки в замок, в голосе kloкотало бессильное бешенство:

– Я написал Друзу, он бы плюнул на любой приказ, но его легионы далеко. А эта мерзкая тля уже делит рудники Иллария – больше их ничего не интересует. Только не вздумай сейчас мчаться в Гестию, Квинт. Ты принадлежишь Риер-Де, империя не может потерять гения. И ты больше поможешь Илларию, оставаясь здесь.

Может быть, император и его клика и думали лишь о рудниках, но не все жители столицы оказались мерзкой тлей – поэт всегда это знал, потому и писал для живых сердец, не сожженных пустотой. Уже утром простые горожане стали собираться в казармах милиции, требуя послать их в Лонгу. Квинт своими глазами видел этих людей, готовых рисковать жизнью, и жалел лишь об одном – что не может записаться в ополчение сам. Сенатор был прав, от одного оратора пользы больше, чем от когорты милиции! Если ему удастся своими речами настроить горожан против бездействия властей, он поможет новому консулу и Ли... Квинт уходил с Форума лишь для того, чтобы поехать в галереи Сената, а по ночам писал – и не желал верить! Страшный бред вот-вот кончится, он получит письмо от Лара или от Ли, все разъяснится... Разъяснилось. Через два месяца после разгрома под Трефолой, когда до столицы уже дошла весть о том, что новый консул остановил врага на реке Лонга, Квинт получил письмо, присланное императорской почтой. Почерк был совершенно незнаком, корявость букв выдавала самоучку из тех, что познают грамоту уже взрослыми.

«Великий Квинт из Иварии!»

Прости меня за дерзость, пишу тебе по приказу консула Каста. Благородный Илларий велел сообщить о гибели командира шестой когорты Первого легиона Эмилия Реи в бою под Трефолой одиннадцатого дня месяца сева. Консул велел передать его извинения, он не мог написать раньше и сейчас чрезмерно занят. Дела наши плохи, но варвары не войдут в Предречную, пока мы живы. Тело Эмилия не нашли, но несколько человек под присягой подтвердили его смерть от рук супостатов. Будь силен, Квинт из Иварии, будь силен. И помолись Инсаар Быстроразяющим за нашу победу, мы отомстим за возлюбленного твоего и тысячи наших товарищей».

Что тут сказать? Правда в том, что Квинт до сих пор не верил, хотя вот уже десять лет прошло. Он не видел Ли мертвым, не увидел даже урны с пеплом. Десятки раз кидался за очередным незнакомцем – с похожей прической или походкой, сотни раз просыпался по ночам, поворачивался на постели, но рука находила пустоту. Тысячи раз слышал любимый голос. Сидел и тупо смотрел на дверь в ожидании – вот-вот она отворится, и

войдет Ли, такой, каким был. Улыбнется виновато, потрет кончиком пальца переносицу и скажет: «Квинт, прости, я опоздал». Эмилий жив и будет жить, пока Квинт не верит, пока хоть один человек помнит строфы бессмертной «Меры». Квинт приехал в Гестию, посмотрел на мемориал – пока временный, деревянный – жертвам той войны, постоял рядом с Илларием возле обелиска, увешанного тысячами поминальных венков. Потом заперся в своей комнате и не выходил оттуда, пока не проклял всех, кто сделал создание мемориала возможным. Наивные храбрые воины проклинали варваров. О нет, убийцы жили не в лесных становищах! Они засели в мраморных дворцах города, основанного вождем ривов Романом не для позора – для побед. Поэт нарочно начал «Проклятье Лонги» со всем известных строк, но изменил их – так, как навсегда изменилась его жизнь:

Я знал тебя, любил тебя. Мне никогда не позабыть твоих ладоней и чистоту воды, что пил я с них. Мне все равно, что разум не постигнет, а тело не поймет и не простит разлуки вечной. За что, любимый? Лишь на один вопрос ответь: за что? Ты – прах и тлен, но я – с тобою вместе.

Я – Лонга, и мои сады и пашни, и горяча течет по жилам кровь, как горячо гестийское вино... Я, Лонга, вдосталь оплакала погибших, и требовать ответа дано лишь мне, и требую я с вас... Проклятье! Убийцы беззаконные, обряженные в тоги, вы слышите? Я проклиная вас!

Поэма «Проклятье Лонги», где первой строкой по-прежнему стояло посвящение: «Эмилию Реи, моему Ли, моему навсегда», никогда не издавалась в Риер-Де, но люди переписывали текст от руки. Квинту вновь было наплевать, гений он или бездарь. Он писал только для одного человека. И Ли его слышал, конечно, слышал, не может быть иначе. Квинт не хотел возвращаться в Риер-Де, и Иллариус был добр, позволив поэту жить под консульским кровом, сколько пожелает. В Гестии, прекрасной и богатой, несмотря на войну, он написал «Гестийский цикл». Сенат просил его продать рукопись для издательства, а Квинта Легия не интересовало признание. Не тронул даже золотой венок, дающий неприкосновенность до конца жизни, пожалованный ему императором. Где был этот вонючий придурок, когда убивали его легионеров?

Поэт и консул мало говорили и мало виделись в тот год, Иллариус был слишком занят. А еще Квинту казалось, что они никогда больше не будут говорить так откровенно, так радостно и свободно делиться друг с другом. Больше не было гордого мальчишки, прежний Иллариус Каст исчез где-то между битвой под Трефолой и не менее кровавыми побоищами на реке. Консула Лонги боялись враги, давшие ему странное и такое подходящее прозвище. Он получил огромную власть, завел любовника – умного, утонченного Луциана Валера – и выбросил ключ от сундука своих чувств. Квинт не сомневался, что Лар не желает искать пропажу, и думал по-прежнему: этот замок можно взломать лишь силой. Когда поэт засобирился уезжать куда угодно – хоть в Абилу, он же всегда хотел посмотреть мир, и в землях, где правят женщины, ничто не сможет помешать ему представлять, будто Ли поехал с ним, – консул предложил Квинту пожить на его вилле в Перунии. «Все равно поместье пустует, – убеждал Иллариус, – едва ль я скоро выберусь из Лонги, поезжай!» Квинт согласился, ему попросту было безразлично, где жить, а через два года с небольшим, когда мир уже потрясла весть о союзе Заречной и Предречной, на виллу под перунийским городом Тиресий пришла дарственная.

Лар всегда поступал так – он не спрашивал мнения, делая лишь то, что сам находил нужным. «Меня, скорее всего, лишат всей собственности за пределами Лонги, приняв виллу, ты окажешь мне услугу, друг мой, так что не придумывай повода отказаться, – писал консул. – Не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь или нет, но мне хочется, чтобы

ты понял: я ни о чем не жалею. Не верь рассказням о том, что я сошел с ума, что меня опоили, околдовали или, того хлеще, заставили. Союз с Севером Астигатом был заключен мной исключительно по доброй воле. Неведомо, что ждет нас впереди, но пока мы оба живем так, как хотим. И временами мне кажется, что никогда еще я не был так счастлив». Квинт отправился бы в путь тотчас же, но его задержала болезнь Аврелия.

Раб появился так незаметно, что Квинт едва не вздрогнул, увидев меж цветущих кустов смуглого перунийца. Соседи прислали записку, скоро будут – отлично! Пора было выбираться, но Квинту не хотелось уходить, оказалось жаль расставаться с прошлым. Вот только если тебе удобнее в минувшем, чем в нынешнем дне, то это очевидный признак старости. И ничего тут не поделаешь... Поэт и без того слишком долго оттягивал признание: его мало что держит в этом мире, разве что бесконечно меняющаяся красота мгновений. А еще Лар, неугомонный протектор Лонги, да странный болезненный юноша с густыми кудрями цвета осенних листьев и пушком над верхней губой. Смешно, но важность в его жизни Аврелия Парки, сына безвестного раба, а может и законного отпрыска покончившего с собой политика и величайшей шлюхи империи, пасынка Кладия Мартиаса, поэт понял лишь в Гестии, увидев Брендона Астигата. Пока Квинт собирался посмотреть на старого друга, перевернувшего все законы мироздания, и убедиться, что Иллариус Каст сделал это сознательно, протектор и его союзник успели повоевать с Инсаар и выиграть войну. Позже Квинт жалел, что не приехал в Гестию намного раньше, но кто знал? А бросать в такое время соседей ему казалось недопустимым. О, не лукавь, ты слишком стар, чтобы лукавить перед собой! Он рассказывал Лару о новых соседях, о том, что впервые после «Гестийского цикла» начал писать – для того чтобы Аврелиус пришел в себя, а Иллариус смеялся и говорил: «Явись ты на полгода раньше, пришлось бы тебе ехать в Трефолу, а такое испытание не для гениальных поэтов». Квинт уверял: у него б хватило духу отправиться в столицу варваров, и вообще, он весьма сожалеет, что не увидел союзника друга собственными глазами. «Зато познакомился с его братом», – пожимал плечами Лар и вновь смеялся.

Они встречали Квинта у ворот Гестии – вместе с сотнями жителей столицы Предречной. В честь приезда знаменитого поэта в городе соорудили несколько замысловато украшенных арок. Квинт радовался, что Гестия как будто бы после всех испытаний даже похорошела. Во всяком случае, ничто не подтверждало жуткие слухи, ходившие по всей империи: дескать, на улицах Матери городов валяются трупы, а живые едят мертвых, и все такое прочее. Напротив, горожане были бодры и вполне сыты на вид, а Иллариус, обнимая друга, беспрестанно смеялся. Рядом с протектором стоял незнакомый юноша в великолепном плаще. Иссиня-черный блестящий мех будто подчеркивал тонкие черты лица и волосы цвета созревших колосьев. На груди молодого человека лежала массивная серебряная цепь и, как оказалось, к толстым звеньям была прикреплена небольшая склянка с мастикой и стилос. С минуту Квинт гадал, кем может быть сей юноша – сын какого-нибудь гестийского вельможи? Родич Иллариуса, о котором поэт прежде не слыхал? Все разъяснилось после представления, но Квинт не поверил. Видно друг, по своему обыкновению, разыгрывал его! Вечером они трое сидели возле очага за небольшим столиком с вином и закусками, и поэт не уставал поражаться: неужто такие редкости расцветают под небом варварской страны?! Выговор Брендона, фразы, что он использовал, отличались чистотой и ясностью, юноша с легкостью цитировал остерийских философов, умел за полминуты проделать в уме сложнейший расчет... Квинт поймал себя на том, что сидит и самым невежливым образом пялится на брата вождя лонгов, не в состоянии закрыть рот.

«Ты плут, Лар, – заявил другу поэт, когда они остались вдвоем. – Ты меня дурачишь!» Иллариус качнул головой: «Брен – просто чудо. Таких нет больше, он не

похож ни на кого – ни на варваров, ни на имперцев, а я жалею, что мы не братья по крови...» – «Братья?!» – «Ну да, – улыбнулся Лар, – согласно обрядовой клятве, у карвиров нет ничего, не принадлежащего обоим равно. Но я едва ль любил бы Брена сильнее, будь он мне действительно родичем...» В густой синеве было такое тепло, какого Квинт не видел ни разу за все время знакомства с аристократом, и в этот миг поэт действительно поверил. И в союз Лонги, и в его удачу, и в счастье Иллария Каста. И пообещал, что напишет большую поэму о союзниках, о том, как изменилась Лонга! «Едва ль я когда смогу понять твои мотивы до конца, – говорил поэт, – но вы с Севером остановили бессмысленную бойню, и это важнее всего. Пусть заткнутся лживые языки!» Друг кивнул, но заметил небрежно: «Буду тебе благодарен, только не суди о лесных народах по Брену – все гораздо сложнее, чем ты себе представляешь». Квинт принялся расспрашивать, но ведь из Иллария всегда все приходилось вытягивать клещами, а так хотелось знать и о союзе, и о войне с Инсаар побольше! Но если о карвире и его народе Лар говорил охотно, то битвы с нелюдьми обходил молчанием.

На следующий день протектор уехал по делам, поручив гостя заботам Брендона, и к вечеру Квинт убедился: друг ему не солгал. Белокурый, деликатный, до смешного вежливый юноша – действительно представитель грозного рода, правнук легендарного Убийцы Инсаар, Райна, Ведущего против, сын вождя, из ничего создавшего новую страну, брат человека, которого в Риер-Де звали не иначе как «подлым кровавым чудовищем». Еще бы! Север Астигат так щелкнул по носу империю, как ее не били со времен Абильского разгрома. Наблюдая, как Брендон умирят гестийских магистратов и дюжих парней, говорящих на какой-то тарабарщине, слыша, как в чистом голосе звенит железо, Квинт вспоминал о слухах, кои дошли до него еще по дороге в Предречную. Брендон больше полугода провел в плену у нелюдей. Не верилось! В Лонге вообще не верилось почти ни во что, но новая жизнь жила и дышала, и поэт с головой втягивался в разноцветную круговерть. Илларий в ответ на расспросы, отрезал: «Только не лезь с этим к Брену!» И поэт понял – все правда, мальчик пережил страшное, а держался так, будто никаких ужасов в мире нет и в помине... И вот тут Квинт прозрел. Что общего у Аврелия Парки и Брендона Астигата? Возраст – одному скоро восемнадцать, второму едва стукнуло семнадцать – и бесконечная пропасть пережитых страданий, только вот Брендон выбрался из ямы, а Аврелий нет. Глядя на спокойное лицо Астигата-младшего, Квинт дал себе слово: он не бросит императорского пасынка, пока не увидит такой же твердости.

Аврелия привезли в Перунию связанным. Все, что услышал Квинт Легий: мальчик повредился в уме, оттого родня и сочла нужным отослать его к морю, для исцеления. Родня! Сборище больших и маленьких тарантулов – вот что такое императорский род. Поэт довольно быстро свел дружбу с воспитателем Аврелия, но подружиться с самим юношей оказалось куда сложнее. Пасынок Кладия боялся людей, отказывался выходить из своей комнаты, где никогда не зажигали ламп. Квинт выманил больного своими стихами. Он писал незамысловатые – веселые и печальные – четверостишия и читал Аврелию тут же, как строки приходили на ум, а юноша внимательно слушал. И постепенно из глаз исчезло выражение пойманного в капкан зверька. Нет, не исчезло, просто Аврелий научился его прятать, но и то хорошо. Странное дело – Брендон, внутри которого словно б вибрировал закаленный в тысячах огней стержень, вызывал уважение и восхищение, но его не хотелось прижать к себе, стараясь, чтобы теплые волны вылечили раны, а вот слабый, покоровившийся судьбе Аврелий будил горячечную нежность. И мальчишке так много предстоит пережить! Когда придурок в венце одряхлеет совершенно, начнется лютая грызня за власть, Аврелию не уцелеть в драке сочащихся ядом тварей... разве что кто-то ему поможет. Глядя, как бородастый и оживленно жестикулирующий Биний шагает по усаженной цветами тропинке рядом с молчаливым воспитанником,

Квинт задал себе вопрос: а отчего б не помочь самому? Он поедет в Риер-Де, а оттуда – в Лонгу. Война с трезенами закончилась, и протектор должен немного освободиться. Наконец-то увидит союзника Иллария своими глазами, сравнит с тем образом, что представился ему, когда он писал «Луну и Солнце». Интересно, очень ли он ошибся?